

**Петр
Алмазный**
**Юрий
Манов**

Ваня
1991

Петр Алмазный Юрий Манов Ваня 1991

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73217243

SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Грозный внезапно переносится в 1991-й год.

Царю и Великому князю Всея Руси не привыкать к трудностям. Но даже он офигел, когда увидел, во что превратилась некогда великая страна.

Великий Государь не в силах терпеть такой беспредел. Пора разогнать всех мракобесов и расхитителей земель русских.

Бойтесь, ироды да проходимцы! Ваня Грозный берется за дело!!!

Содержание

Глава 1. Под колокольный звон	5
Глава 2. Когда включился свет	21
Глава 3. Гаражный разбор	35
Глава 4. Новая реальность	49
Глава 5. Базарные времена	62
Глава 6. Путь на дно и зона «Адидаса»	75
Глава 7. Поединщики	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

**Петр Алмазный,
Юрий Манов
Ваня 1991**

Название: Ваня 1991

Авторы: Петр Алмазный, Юрий Манов

Глава 1. Под колокольный звон

Звонко зазвенело с колокольни Никольского храма. Впрочем, другого храма здесь и нет. Единственный действующий, один на всю округу. Считаю, из-за него мы здесь, в Соколовке, и поселились. Государь настоял. Православному государю без храма никак нельзя.

Хоть я и неверующий, а новой колокольной невольно залюбовался. Отсюда, с голубятни, которую мы превратили в наблюдательную вышку, новая колокольня особенно красиво смотрится. И маковка золоченая на солнышке блестит.

Я посмотрел на часы. Без четверти девять. Пора! Я кивнул Улюкаеву, тот метнулся в дом звать Ванюшу.

Ваня вышел на крыльцо дома. Он был в длинном, до колен сером плаще и в круглой шапке с меховой опушкой. Чем-то похожа на шапку Мономаха. Только верхушка не из золота, а железная, крашенная бронзянкой. Сделана из стали по особому заказу. Это чтобы «личину блюсти» – беречь лицо. Личина нам еще пригодится.

Так, будем готовиться к его убийству.

То, что государя сегодня будут убивать, я знал точно. Осведомитель мамой клялся, что киллеры, нанятые Брюхой – местным уголовным авторитетом Брюхановым, еще вчера в поселок приехали. Слово-то какое – киллеры! Понасмотрелись видео.

– Брюханов сам с ними в ресторане «Калина красная» встречался, – рассказал мне осведомитель, имя которого я пока скрою. – Говорил с ними, вечером для них сауну с девками непотребными устроил. Они там хорошенько прибухнули. Всю ночь девок драли, потом бузили. Фото встречи Брюханова с киллерами в ресторане имеется. Вот здесь, в конверте. Фото из бани тоже есть, даже видео. Но видео – за отдельную плату. Будете брать?

Я от видео из бани отказался, за остальное щедро заплатил, а инфу на ус намотал.

Это хорошо, что киллеров двое, и что они в баню с девками перед серьезным делом пошли. Непрофессионально бухать перед серьезным делом. В прошлый раз снайпер был, со снайпером было все сложнее. Пулю пришлось прямо из уха выковыривать. Но снайпер обычно в одиночку работает. А этих двое.

Я рассмотрел выкупленные фото. По виду – обычные «быки». «Лица интеллектом не обезображены». Такие чаще с автоматов работают на короткой дистанции. С ними проще. И нападут они, скорее всего, как раз перед утренней службой. То есть – совсем скоро...

Я перегнулся через перила голубятни и посмотрел в конец улицы на стоявшую у перекрестка девятку с затемненными наглухо стеклами. Вот не нравилась она мне. Не из нашего района машинка. Чужая. Модного цвета «мокрый асфальт». Слишком крутая для замкадного поселка. И чего стоит? Ко-

го ждет?

– Ну что, работаем по плану? – крикнул снизу лейтенант Райкин, тоже посмотрев на часы. – Или я все-таки за руль?

Я отвечать не торопился, знал, что без нас батюшка Алексий службу не начнет. Мы у него, как здесь говорят, вип-клиенты. Однако и задерживаться особо не стоило. Люди ждут! Праздник нынче большой церковный. День первоапостолов Петра и Павла. Но и без того, думаю, много сегодня народу в церкви соберется – на государя посмотреть. Про Ивана Васильевича нынче часто говорят, много слухов про него ходит. А слухи, они даже круче телика бывают. Тем более, телику тут уже никто не верит. Кстати, о телике. Где же эти чертовы телевизионщики? Вчера ведь им еще позвонил, точно время сообщил. Вот все приходится самому делать!

Я еще раз проверил зарядку аккумулятора видеокамеры «Сони» и снова посмотрел в сторону чужой «девятки». Нет, не пущу я сегодня Райкина за руль. Не рискну. Он мне живой нужен.

– Работаем по плану, – решил я. – Заводи Ласточку, тащите Кузьмича.

Ласточка – «Волга ГАЗ-21» серого цвета. Моя бывшая служебная машина. Ей и года нет, а по документам – больше двадцати. Жалко старушку, привык я к ней уже. Пожалуй, она единственное, что досталось мне здесь от прошлого. Но, видно, такова ее судьба – героически погибнуть за государя. Хотя, кто знает? Если злодеи одними автоматами огра-

ничатся – еще покатаемся. Стекла вставим, дырки залатаем. Если повезет, конечно. Потому что злы на государя злодеи, что убийство заказали. Очень злы! Могут и с гранатомета врезать. Или гранатами закидать. С них станется. Тогда хана машинке, жалко...

Я наблюдал, как Райкин с Улюкаевым достают из сарая, тащат и устраивают за руль «Волги» Кузьмича – чучело в парике с театральной маской на месте лица. Перчатки телесного цвета к рулю привязывают. Снаружи вполне можно принять за живого водителя.

Лейтенант снова рвался сам за руль сесть, но я запретил. Риск слишком велик, а Райкин нам дорог. Так что пусть «Волгой» через радиоуправление рулит. Сам придумал, сам пусть и рулит, Самоделкин. Целее будет.

«Волга» завелась, из выхлопной трубы повалил дым. Кольцам, видно, совсем хана, придется движок перебрать. Но ничего, чует мое сердце, ехать ей сегодня далеко не придется.

Машина прогрелась, Райкин подал знак, что авто к выезду готово. Ваня спустился с крыльца, чинно прошествовал через двор, подошел к машине. Улюкаев подскочил и с поклоном открыл перед ним заднюю дверь. Ваня сел на заднее сидение, Улюкаев захлопнул дверь автомобиля и поспешил открывать ворота. Райкин же вооружился пультом от игрушечной машинки на радиоуправлении и стал жать кнопки, двигать рычажки.

Начали! «Волга» с Ваней медленно выкатилась в открытые ворота.

Я подхватил тяжелую камеру «Сони», водрузил ее на плечо и быстро навел видоискатель на «Волгу». Голубятня словно нарочно была устроена старыми хозяевами на углу участка над самым забором, с нее двор и площадка перед воротами были как на ладони. И сама улица вполне видна.

Очень вовремя я съемку начал. Та самая «девятка» в конце улицы вдруг сорвалась с места и понеслась к нашей усадьбе, словно собралась ее протаранить. У ворот «девятка» резко затормозила прямо перед капотом «Волги», перекрыв ей дорогу. «Волга» ткнулась блестящим бампером в крыло «девятки» и заглохла. Из «девятки» выскочили двое, в одинаковых черных кожаных куртках, с автоматами в руках. И они сразу стали стрелять. Два автомата заработали в унисон. Звон разбиваемого пулями стекла смешался со звоном гильз, бьющих о кузов автомобилей. Быстро работают киллеры, слаженно. Неужели профи? Почему тогда без масок?

Да, правильно я запретил Райкину садиться за руль. Тут бы никакой броник не помог. Один стрелял в стекло задней двери, второй – бил прямо через лобовуху, длинными очередями. Конечно, оба целили в государя, но и «водителю» досталось от души. Даже отсюда, сверху я разглядел, как разлетается труха от прямых попаданий в театральную бошку Кузьмича. Штук пять прямых попаданий в улыбающееся лицо. Но фальшивому водителю досталась самая малость, вот

самого Ваню они пулями буквально наспиговали.

Я продолжал снимать, стараясь ничего не упустить. И обо – лица душегубов. Лица мы еще предъявим!

Грохот выстрелов стих почти разом. А ведь зря я принял их за профессионалов. Расстреляв магазины, киллеры не свалили немедленно, бросив оружие. И не стали перезаряжать автоматы, а решили полюбоваться на дело рук своих. Видимо, хотели убедиться, то дело сделано. Один, который повыше, дернул за ручку задней двери «Волги», распахнул ее. Наверное, его очень удивило, что мертвый сидел, закрыв лицо шапкой. То, что он мертвый – не вызывало сомнений. Дыр в плаще на Ване было, что в твоём дуршлаге. А вот крови не было совсем. Удивленный убийца протянул руку, отвел шапку от лица государя. Тут же наткнулся на его взгляд и захрипел.

Не от взгляда захрипел, а от того, что стальная ладонь Ванюши вдруг резко поднялась и сжала его горло.

– Петь, ты чо, Петь, чо там? – истерично выкрикнул второй киллер, пытаясь заглянуть в салон из-за спины подельника.

Заглянул и заорал. Заорешь тут, если увидишь, как только что убитый мертвец душит твоего подельника. Киллер попытался снова стрелять, жал на курок, забыв, что магазин автомата пуст. А тут и Улюкаев подоспел. Подкрался тихонько сзади из открытых ворот и, выпучив глаза, от души приложил киллера по затылку поленом. Тот рухнул на землю, вы-

ронив автомат. Рядом упал второй, придавленный Ванюшей. Аллес!

Я закончил съемку, посмотрел на Райкина. Показал большой палец руки, стер пот со лба и спустился по лестнице вниз. Подошел к воротам, сделал панорамную и подробную съемку места преступления. Морды вырубленных киллеров снял отдельно. Дело сделано.

Я опустил камеру, осмотрелся. Не приготовили ли злодеи еще какой пакости? Но нет, улица с мирным названием Школьная пуста, птички опять чирикать начали.

Можно выпускать настоящего Государя. Я подал знак, Улюкаев сбегал, позвал.

Иван Васильевич вышел на крыльцо, повернулся в сторону все еще доносившегося с колокольни перезвона, широко перекрестился. Опираясь на посох, прошел к воротам. Прищурился, осмотрелся. Внимательно рассмотрел издырявленный пулями салон «Волги», своего простреленного во многих местах двойника. Тот, не получая новой команды, просто сидел и не мигая пялился перед собой. Шапку с вмятинами от пуль, кстати, надел на голову.

Государь посмотрел вниз, пнул ногой, обутой в сафьянный сапожок, одного киллера, потом другого. Ткнул посохом в спины.

– Эыыых, псы!

Сухо приказал Улюкаеву:

– Этих в пыточную, на дыбу.

Улюкаев широко улыбнулся и закивал. Пыточная – его тема. Тут же принялся вязать киллерам руки, собираясь во лочь в амбар.

Иван Васильевич повернулся ко мне:

– Прав ты был, боярин. Верно говорил! Смерти моей во роги возжелали. Ужо я им! Повинны смерти! – Государь с силой ударил посохом в землю. – За службу верную жалую тебя... Тверью...

Государь замолчал. Наверное, вспомнил, что Тверь мне уже пожаловал в прошлый раз. Когда его хотели на рынке бандюки подрезать, а я его спас.

– Рязань возьмешь? – предложил он мне и сам своей идее обрадовался. – И верно, бери Рязань, тут недалече. За день доехать можно. Жалую тебя князем рязанским.

Я поклонился, рязанским так рязанским.

Царь повернулся к своему двойнику, легонько тронул его посохом.

– Иди, служивый, иди, Ванюша, в светлицу. Пусть Марья платье тебе сменит.

Двойник послушно из салона вылез и двинулся к дому. Ходит он странно. Как робот. Вот если бы не походка и мимики побольше на лице – от живого не отличишь.

Государь снова повернулся ко мне.

– А мы, князь, в храм направимся. Помолимся за счастливое избавление.

Ну и выдержка у человека! Его только то пытались пу-

лями изрешетить, а он – в храм. Сколько мы здесь, ни разу еще утренней молитвы не пропустил. Одно слово – государь! Только на чем ехать? «Волга», может, еще и побегает, но стекла поменять придется. И пробоины в кузове как-то заделать. Бензобак тоже стоит посмотреть, кажется, бензином запахло.

Государь словно мои мысли услышал.

– Эта повозка ездить может? – указал Иван Васильевич на бандитскую «девятку».

Я кивнул. Крыло правое чуть помято, а так – ничего. Ездить можно. Ключи, как я понял – в замке.

– На ней поедем, – решил государь и направился к машине.

Тем временем к воротам подкатил фургон с большими зелеными буквами «НК». Явились – не запылились. Звезда криминальной журналистики Неглядов выскочил из открывшейся двери и уставился на расстрелянную «Волгу». Офигел от увиденного и тут же замахал руками, подзывая оператора.

Я повернулся к Райкину и быстро сказал:

– Покажешь, все расскажешь. Ваню одень в бронежилет. Тот старый, простреленный. Пусть на камеру молчит. Типа шок от произошедшего. Приедем, доснимем...

А из «девятки» уже бибикало. Государь ждать не любил, а жать на «бибикалку» уже научился.

Я вез государя в церковь на машине киллеров, которые

только что хотели его убить, и уже совершенно этому не удивлялся. Ничему не удивляться – это был единственный для меня выход. Иначе можно было просто сойти с ума.

Что мог ожидать я, подполковник главного управления КГБ по городу Москве Николай Павлович Ловчев, попав волей судеб и посредством хроноагрегата – машины времени – в 1991-й год?

Победившего по всей планете коммунизма? Пожалуй, что нет. Помнится, балабол Хрущев обещал полную победу коммунизма в 1980-м. Да и то, в отдельно взятой стране. Леонид Ильич, тот был умнее, пустых обещаний не давал. Устроил в восьмидесятом Олимпиаду в Москве. Вот это я бы посмотрел...

Да уже кое-что и посмотрел. У нас в светлице видеомагнитофон стоит! Импортный. С кассетами. Один мужик на рынке мне целую кассету с различных телепрограмм «нарезал». И с Олимпиадой, с Дином Ридом на БАМе, и про наш космос с «Союз-Аполлоном» и полетом «Бурана», и про наш хоккей с Харламовым, и про наш балет. Да много чего еще. Мы с Райкиным кассету эту раз десять пересмотрели. Вот московская Олимпиада была похожа на светлое будущее. Особо закрытие впечатлило с летающим медведем. Райкин аж прослезился.

Но то, что я увидел в 1991 году, когда выбрался из этого чертового подвала с хроноагрегатом, скорее было похоже не на светлое будущее, а на какой-то ад. На антиутопию, кото-

рую мы как-то изъяли у одного диссидента – самиздатчика.

На улицах – очереди за самым необходимым, пустые прилавки в магазинах, озлобленные лица советских граждан, трепло и трепотня на экранах телевизоров, новоявленные капиталисты в малиновых пиджаках и... бандиты. Бандиты на 74-м году советской власти! И полный правовой беспредел.

Вот ведь только что почти в центре подмосковного поселка была стрельба. Из автоматов! И что?! Тревога и милицеские наряды с мигалками? Перекрытые дороги и вокзалы? Да словно никто ничего и не заметил. Не удивлюсь, если к нашему возвращению никакая милиция к дому вообще не придет. Дурдом! Впору самому в дурдом сдаваться... Да, кстати, поначалу чуть дурдомом все не кончилось. Будет время – расскажу...

Я подъехал к церкви, припарковался. Народу, действительно, было много. Государь дождался, когда я открою дверь, выбрался наружу, широко перекрестился на купола. Толпа его узнала, стихла, потеснилась, образуя для него проход.

– Серебра что же, не взял? – пожурил меня государь.

Перед храмом он непременно одарял нищих и убогих мелочью. Объяснять, что нынче серебра в деньгах нет, было бесполезно. Бумажных денег государь не признавал, а железных рублей я в спешке наменять не успел.

– В той машине остались. Не успел переложить, – соврал

я. – Стреляли...

Государь вздохнул и с кроткой улыбкой двинулся к дверям храма. У самого крыльца я заметил двух брюхановских братков в черных кожаных куртках. Кажется, его охранники. Они увидели нас, у обоих от удивления чуть сигареты из ртов не вывалились. Видно, совершенно не ожидали сегодня государя живым увидеть.

Я обогнал государя, заслонив его собой, быстро сунул руку в карман, нащупал рукоятку пистолета. Но братки агрессии не проявили, быстро переглянулись, перекинулись фразами. Один остался на месте, второй стал протискиваться сквозь толпу к стоянке. Видно, отправился докладывать хозяину...

Я выдохнул, отошел в сторону, государь продолжил чинное шествие в храм.

– Государь энтот, он кто? – услышал я за своей спиной женский голос, когда Иван Васильевич поднялся на крыльцо церкви и осенил паству крестным знамением.

– Святой старец Иоанн, – пояснил голос уже мужской. – Из глубин сибирских пришел. Видение ему было, сама Богоматерь явилась и сказала, что Россию он спасти должен от бесов меченых. И государем ее стать. Пешком из Сибири шел.

– Бес меченый? Это что ж, Райкин муж? – хихикнула та же тетка, что спросила.

– Ага, а еще Борька беспальный, – хохотнул третий, молодой

голос. – Только долго что-то шел твой спаситель. Пока он по сопкам сибирским перся, мы тут в очередях да на талонах с голоду пухли, а Горбатый с Ельциным страну пилили на продажу. Видно, им кусками продавать легче.

– Ну да, на твою морду посмотришь, сразу видно – с голоду опух, – сурово оборвал его тот же суровый мужик. – Сколько надо, столько и шел. И я тебе говорю, быть ему государем! Знаешь сколько раз его убить пытались? Да Богородица уберегла! Потому что пророчество было! Что придет Спаситель! Вот, пришел. Он и будет царем новым! Иоанном, государем земли русской!

Государь тем временем вошел в распахнутые двери, обитые начищенной медью, народ сразу двинулся за ним, поднапер, меня прижало к стене храма. Все-таки мала церквушка для такой толпы. Не всем желающим места хватило. Многие так снаружи и остались. Но, чую, не помолиться они сегодня сюда пришли – на государя посмотреть. Не расходятся, стоят, ждут, когда Иван Васильевич выходить будет. Еще посмотреть хотят, послушать...

А из открытых дверей храма уже раздался сочный голос отца Алексея – священника Никольской церкви и личного духовника Ивана Васильевича.

За безопасность государя внутри церкви я был спокоен. Батюшка Алексей – из бывших афганцев. У него не забалуешь. Служил за речкой командиром разведвзвода, ходил в лихие рейды, даже в Пакистан заглядывал. Год был у душ-

манов в плену. Там поседел, там же и уверовал. Шалить с отцом Алексием я бы никому не советовал. Нет, он в курсе насчет того, что вторую щеку нужно подставить, и все такое... Но мне довелось недавно полюбоваться, как Алексей с подрядчиком разбирался, который ему ограду вокруг церкви строил. Подрядчик явно попутал берега и при расчете не просто обманул, а даже стал грубо наезжать на скромного священнослужителя. Всячески оскорблял устно и богохульствовал. Отказывался доделывать недоделанное и требовал больше денег. Пугал своей «крышей» и конкретно Брюхой. Алексей крепился как мог, пытался образумить нечестивца кротким словом, пока обуревающий барыга его за рясу не ухватил. Ну тут батюшка не выдержал и принял его на болевой прием. И придушил немного. Так и держал в унижительной позе, пока тот не покаялся и от необоснованных претензий не отказался.

Государь Алексея ценил, говорил с ним много. Обещал митрополитом сделать...

Я не без труда выбрался из толпы, отошел к стоянке, остановился около трофейной «девятки». Закурил. Сигареты «Магна» в мягкой красной пачке. Пять рублей за пачку, однако. Свободный рынок, мать его... А сигареты хорошие, тут уж не откажешь. Любимый в прошлом «Космос» нынче совсем на сено стал похож. Да и не купишь его даже по талонам. А курить приходится тайком – государь дыма табачного не терпел. Бесовским делом табакокурение считает. Опять

же, пять рублей за пачку...

Я закашлялся. Тут уж не поспоришь, по таким ценам – бесовское дело.

Те, кому не хватило места в церкви, теперь кучковались вокруг того дядьки. Он забрался ногами на лавку и вещал собравшимся про старца, про Богородицу и про пророчество. Теперь свое «пророчество» толковал более пространно – с подробностями и описанием чудес, которые творил по дороге из Сибири святой старец Иоанн. Блин, ну и натворил Иван Васильевич по дороге, если мужику верить. Где-то животворный родник с его легкой руки забил, решив проблемы водоснабжения целого города. Где-то мост через реку в рекордные сроки починился чуть ли не сам собой. Где-то на Урале целый секретарь обкома всего пять минут со старцем пообщался, после чего взял, да и отдал свою дачу под детдом. И «Волгу» свою персональную тоже детям отдал. Но это все – мелочи. Вот уж когда Иоанн станет царем...

Врал этот ушлый мужик.

Во-первых, никакой Иван Васильевич не старец. Всего-то сорок лет ему. Хотя выглядит да, старше.

Во-вторых, никакого отношения к Сибири он не имеет. И не был там никогда. Он вообще – коренной москвич.

Но главное, государь не собирался становиться царем. Потому что он им уже был!

Иначе с чего бы ему назначать меня князем Тверским и Рязанским? А еще Первым Думским боярином, царевичем

Крымским, воеводой Перекопским, головой всего Московского стрелецкого войска и прочая, прочая, прочая...

Так получилось, что при моем непосредственном участии хроноагрегат, (более известный как машина времени) перенес прямым из 1570-го года (с короткой остановкой в 1970 году) в недобрый 1991-й год царя всея Руси, Великого князя Ивана Васильевича.

Известного более, как царь Иван Грозный...

Глава 2. Когда включился свет

Что ж, пока государь Иван Васильевич молится Богу, самое время вспомнить, как именно все это со мной случилось. Как я, подполковник КГБ попал из вполне благополучного 1970-го года сначала в дремучее прошлое, а оттуда прямым в будущее? Уж попал так попал... И не один, а в такой «теплой» компании.

Если кратко, то попал я при выполнении особо важного правительственного задания...

А если еще проще, то в мае 1970 года КГБ в моем лице обнаружил в подвале гаража на окраине Москвы вполне действующую машину времени, собранную доморощенными умельцами. Конечно, начальство отреагировало быстро, оперативно собрали ученых, в условиях строгой секретности начали экспериментировать.

В итоге натворили мы дел с этим хроноагрегатом. Целого Грозного царя выдернули из прошлого и закинули в будущее. А вместе с вышеуказанным Иваном Васильевичем отправила машина времени в этот отнюдь не радостный год еще опричника Прохора Улюкаева с разумом лейтенанта КГБ Райкина, и самого лейтенанта Райкина с разумом опричника Улюкаева. А также железного болвана Ванюшу – механического слугу великого государя. Ну и меня, грешного, в звании подполковника КГБ. Такой вот, блин, простран-

ственно-временной континуум.

Тут не захочешь – закуришь. Я хотел затянуться, но обнаружил, что сигарета кончилась. Хорошие сигареты «Магна», только горят быстро и одной не накуриваешься. Я бросил окурок в урну, снова сунул руку в карман за пачкой и наткнулся на несколько сложенных листов бумаги.

Я вытащил их и развернул один листок. Так вот они где! Когда же я их в куртку переложил? А я весь китель обыскал. Это были рапорты о случившемся. Написанные, но так и не доставленные начальству. Первый – рапорт моему непосредственному руководству. Тот самый рапорт, что я написал в первый день нашего прибытия сюда, в это время, в этот год. Еще там, в закрытом гараже. Рапорт на имя тов. Андропова Ю.В.

Писал его на верстаке при свете фонарика, найденного Райкиным. Он же мне и подсвечивал.

«Совершенно секретно!»

Председателю Комитета Государственной Безопасности СССР, генералу армии Андропову Ю. В.

Подполковника Ловчева Н.П.

Товарищ генерал армии! Докладываю, что по вашему приказанию 31.05.1970 г., я прибыл на секретный объект 17-18, где посредством хроноагрегата по установленному профессором Дубцовым пространственно-временному вектору был перенесен в 1570 год в Москву для эвакуации л-та Райкина. Я успешно прибыл в установленное место и время. Мне уда-

лось установить прямой контакт с л-том Райкиным. Однако, в момент перемещения по независящим от меня причинам в одном с нами помещении (каретный сарай) оказался царь Иван Васильевич (Грозный) и его механический слуга (Ваня). А также еще один неизвестный мне человек (ориентировочно – мастер Прохор Фрязин). Видимо, они (царь и болван) оказались в зоне действия вектора и по этой причине переместились с нами на объект 17-18 в наше время. По прибытии на объект я обнаружил, что сам связан, а между л-том Райкиным и проф. Дубцовым происходит физический конфликт (драка). В этот момент произошло отключение энергии. Когда включилось аварийное освещение, я обнаружил, что проф. Дубцов исчез, а объект 17-18 сильно изменился. Там отсутствовала связь. Выход на объект 18 (лаборатория) оказался закрыт люком, на объект 17 (гараж) мы смогли проникнуть, но сам гараж оказался заперт снаружи.

Все указанные ранее лица находятся на объекте 17-18 в крайне возбужденном состоянии. Отправляю Вам рапорт при первой возможности и жду ваших приказаний.

Подполковник Ловчев».

Конечно, прочитаешь такое и пальцем у виска покрутишь. А ведь так оно все и было. Кое-что я даже в рапорте начальству опустил...

– Приехали, – раздался из темноты голос Райкина.

Под потолком неуверенно заморгало, лампы словно нехотя засветились. Но слабенько совсем. Словно резервные аккумуляторы были сильно разряжены.

Сначала меня удивил запах. Затхлый какой-то. Нет, понятно, что подвал, но днем ничем особо таким не пахло. А тут...

Я сидел в кресле, крепко привязанный к спинке. Машина времени стояла на столе и легонько дымилась, из некоторых блоков сыпались искры. Около машины стоял татарин в черном зипуне и лохматой шапке и что-то высматривал в приемном устройстве. Он взял со стола отвертку, чего-то там поддел и вытащил из приемника картонный прямоугольник с дырочками. Перфокарта. Татарин повернулся ко мне и карту эту показал. Да еще подмигнул.

Я глянул в сторону сидевшего на полу человека в смиренной рубашке и понял, что обратной замены не получилось. Слишком уж бойко обращался татарин со сложной техникой и слишком уж злые рожи строил этот связанный смиренной рубашкой голубоглазый молодой человек вполне славянской наружности. Значит, царский опричник Улюкаев остался в Райкине, а в бритом татарине продолжает содержаться подающий надежды лейтенант Райкин.

Но главный сюрприз ждал меня в углу подвала. Там стоял бородатый дядька в шитом золотом наряде, в брамах и в шапке с собольей опушкой на голове. Из-за его спины выглядывал очень на него лицом похожий мужчина, но в какой-то

рясе и простоволосый.

Получается, переместились вместе с нами. Вот это сюрприз!

Райкин подошел и начал меня отвязывать, приговаривая: – Сейчас, сейчас, Николай Павлович. Сейчас. Можно считать, сегодня еще легко отделались.

Я даже не обратил внимания, что Райкин назвал меня не по уставу, а по имени-отчеству. И что значит «сегодня легко отделались» тоже не понял. Но развязать меня Райкин не успел, потому что у него за спиной что-то завизжало, чьи-то руки обхватили его за горло, и лейтенант опрокинулся на спину. Оказалось, это Улюкаев как-то освободился от смиренной рубашки и напал на Райкина сзади, пытаясь его задушить. Подробности схватки на полу я на разглядел – мешала спинка кресла. Но вот противники поднялись на ноги, чтобы снова броситься друг на друга. Вернее, бросился Улюкаев. Райкин же чуть отступил и ловко опрокинул буяна на пол подсечкой из самбо, а когда неугомонный опричник поднялся и снова бросился в бой, просто отправил его в нокаут хуком в челюсть.

Тут я за Райкина был спокоен. С физо у него было все отлично. В одном спортзале тренировались. Он рассказывал, что самбо он со школы занимался, и по боксу у него разряд. Но бил Райкин Улюкаева аккуратно, словно свое законное тело берег.

Улюкаев рухнул на пол, Райкин выдохнул и, наконец, ме-

ня развязал.

– Чего это он? – спросил я, потирая затекшие руки.

– Да зипун хочет вернуть. И саблю, – как-то просто ответил Райкин.

Ну да, не знаю, видел ли себя в зеркало Улюкаев, но свою одежду на Райкине он, видимо, узнал. И саблю – точно!

– Этот не уgomонится, – сказал я, разглядывая лежащее на полу тело. – Что будем делать?

Райкин молча поднял с полу рубаху с длинными рукавами, я кивнул, мы натянули рубаху на бесчувственное тело, быстро спеленали дебошира его же рукавами и усадили у стенки.

Что ж, инцидент с рукоприкладством, кажется, исчерпан, осталось решить, что делать дальше. Надо отсюда как-то выбираться и доложить начальству. И что-то решить с незваными гостями. Хотя они как раз хлопот доставляли меньше всего. Царь забился в угол, звуков почти не издавал, кажется, молился, его железный слуга стоял, заслоняя его собой, словно на посту.

– Что будем делать? – повторил я, уже имея в виду всю ситуацию в целом. Почему-то мне казалось, что Райкин имеет больше представления о происходящем. – Куда делся Дубцов? Это он меня связал? Зачем? И что ты там говорил про «легко отделались»?

– Дубцов? Дубцов – там, – сказал Райкин, кивнул в сторону машины времени и поднял с пола оброненную в схватке

папаху.

– В каком смысле? – удивился я.

– В прямом. Вернее – в искривленном. Временно-пространственном. Если кратко, то профессор Дубцов решил стать царем Иваном Грозным. Вселиться в его тело, как я в Улюкаева. И если бы у него получилось, мало бы никому не показалось.

– А зачем ему... вселяться в тело? – спросил я и посмотрел в угол, откуда продолжали раздаваться молитвы.

– Кто его знает. То ли о величии России размышлялся и решил историю по своему разумению изменить. С помощью современных технологий. Танками ливонцев давить. Либо сам власти захотел безграничной. Только хрен он угадал! Очень надеюсь, что его там не только поймали, но уже подвесили на дыбу.

– Так это ты все устроил? – спросил я.

– Не то чтобы я... В общем, долго рассказывать. А времени у нас совсем ничего.

– Это почему?

– Подозреваю, что сука Дубцов оставил нам сюрприз неприятный. Очень нехороший человек. Тем более, государя нужно обратно засылать. Представляете, что с Русью без государя статья может?

Я удивился. Ну да, особых симпатий и у меня Дубцов не вызывал. Но все-таки профессор истории. А вот насчет государя – это он верно. Если начальство узнает, кого я с собой

сюда притащил, мало мне, действительно, не покажется.

А Райкин вдруг приложил палец к губам, снял шапку и стал прислушиваться. Быстро подошел к машине на столе, заглянул под стол.

– Так и есть! Вот сука!

Райкин выпрямился, он держал в руках какой-то брусок с привязанным к нему изолентой будильником. И будильник тихонько тикал. Сверток я узнал. Пластиковая взрывчатка. С-4. Модная, импортная.

– Смешной этот Дубцов, и жалкий, – с каким-то сожалением сказал Райкин, вырывая провода из устройства. – Собрался огромным государством управлять, а сам бомбы личной сделать не мог.

– Зачем он это сделал? – спросил я, совершенно офигевший.

– Да чтобы никто ему больше не помешал. Бабах, и концы в воду, – сказал Райкин. – Хроноагрегат-то этот в этом времени в единственном числе имеется. Ну что, я вектор в обратную сторону запускаю, а вы уж позвоните наверх, чтобы энергию дали. Будем царя обратно отправлять. А с остальным потом разберемся.

Я посмотрел в сторону гостей в углу, подошел к телефонному аппарату у двери, установленному для связи с лабораторией наверху. Снял трубку, ожидая услышать голос заведующего лабораторией Шубина или кого-то из лаборантов. Но трубка молчала. Ни гудков, ни шипения, просто тишина.

Что за дела? Я взялся за железное кольцо двери, снабженной кремальберным затвором. У нас тут дверь, как на подводной лодке. Для безопасности устроено. Но дверь не открывалась.

Я посмотрел на Райкина, но и у него, кажется, с машиной чего-то не получалось. Он растерянно посмотрел на меня.

– Вообще напряжения нет. Агрегат обесточен...

– И связи нет, – сказал я. – Дверь не открывается.

– Замуровали... – сделал горький вывод Райкин.

Как мы выбрались из подвала – рассказ долгий. Без Райкина я точно бы не справился. Он скинул папаху и, почесывая в бритом затылке, делал какие-то расчеты в блокноте, найденном на столе. Потом разделил пластид на две части, одну часть приладил к двери – большей частью затолкал в щель вышеупомянутого дверного замка, вторую оставил про запас. Протянул провода к батареям машины.

– Должно получиться, – сказал он как-то неуверенно. – Только уши заткнуть надо. И прикрыться чем-то.

Прикрываться здесь было нечем. Разве что креслом и столом. Крышка стола была железная, а кресло привинчено к полу. Конечно, опасения у меня были. Если пострадает хроноагрегат – мне отвечать. Но и другого выхода не находилось. Пришлось машину времени разобрать и спрятать в угол. Не без труда перевернули стол. Перетасили под его защиту Улюкаева.

– А как они? – спросил я, кивнув на царя, мелко крестив-

шегоя за спиной болвана.

Райкин надергал со своей шапки шерсти, скатал комочки, пару дал мне и подошел к механическому слуге.

– Не моги, иуда! – раздалось из-за спины болвана. – Не смей на помазанника руку поднимать. Грех то великий! Ты ж мне в верности клялся.

Но Райкин... вдруг упал на колени и заговорил плаксивым голосом:

– Не гневайся, надежа царь-государь. И в мыслях не было вреда тебе причинить. Жизнь готов за тебя отдать! Да только замуровали нас вороги-демоны. Сейчас мы дверь ломать будем. Пожалуй укрыться с нами за стеной железной, дабы вреда тебе не причинило.

– Порохом ломать будете? – раздалось из угла после долгой паузы

– Порохом, государь. Изволь вот ушки свои заткнуть, ибо грохоту много будет.

Из-за спины болвана появилась рука и сцапала шарики с ладони. Затем и сам царь вышел. Но держался настороженно.

– Верю тебе, Панкрат Улюкаев. Всегда мне верен был. Поддай-ка мне посох.

Видимо это был тест на верность. Райкин подхватил еще лежавший на полу посох и с поклоном вручил государю. Тот быстро его схватил, расправил плечи и вроде как ростом выше стал.

– Ну-ка, Ванюша, открой сию дверь, – сказал Иван Васи-

льевич, указав посохом на дверь.

Болван ожил и сразу двинулся к двери. Бах, бах, ба-бах. Сначала он ударил плечом, потом ногой, потом снова плечом с разбега.

Силен мужик, но дверь устояла.

– Ладно, хватит, пустое, – сказал государь и повернулся к нам. Внимательно рассмотрел мой мундир, золотые погоны. Принял меня за старшего.

– Говори, боярин, где мне укрыться.

В общем, замок мы взорвали, дверь открыли. Получилось громко, но с затычками в ушах – терпимо. Остатками пластида Райкин взорвал замок люка из подвала. Мы поднялись наверх, в гараж, и тут меня ожидал первый за весь день приятный сюрприз. В гараже стояла моя «Волга». Серая «Волга», ГАЗ М-21. С оленем на капоте. Правда, покрытая слоем пыли. Я ее быстро осмотрел, никаких повреждений не обнаружил, только аккумулятор напрочь сел. И телефон не работал по той же причине. В гараже был сумрак, я попытался включить свет, щелкал рубильником – все без толку.

Уже было понятно, что объект законсервировали. Видимо, возвращения нашего здесь не ждали. Ворота гаража были заперты снаружи на навесной замок. Так что пришлось помучиться. Мы и орали, и долбили, и молотом в ворота стучались. Пока ждали, я тот рапорт и написал. Была идея свернуть его в трубочку и как-то просунуть наружу.

Снаружи зажуужало. Кажется – болгарка. Наконец нам открыли.

Когда глаза привыкли к свету, я обнаружил, что на нас направили короткоствольные автоматы два милиционера ППС-ника. За их спинами стояла патрульная УАЗка с мигалкой. А еще обитатели гаражного кооператива, совершенно мне незнакомые.

Догадываюсь, как они офигели. И было с чего! Представьте картину: в запертом снаружи гараже вдруг обнаруживается следующая компания: бритый наголо татарин в черном зипуне и с саблей на поясе, молодой парень в больничной пижаме и в смирительной рубашке, бородатый мужик в рясе и с крестом на груди, и еще один, очень на него похожий – в царских бармах и шапке Мономаха. А с ними, как вишенка на торте – еще подполковник КГБ в парадке, при золотых погонах.

– Вы... вы здесь откуда такие? – спросил сержант, видимо – старший по патрулю.

Вот мундир мой нас тогда, считай, и спас. Мундир и мое удостоверение. Хорошо хоть служивые дату на корках посмотреть не догадались и подпись начальника тоже.

– Мы выполняем особо важное правительственное задание! – сказал я строго. – Мне срочно нужно связаться с начальством. Откуда можно позвонить?

– Позвонить? Так у сторожа в будке, наверное, – сказал мент, опуская автомат.

– Хорошо, ждите здесь, – сказал я, спрятав корки в карман и двинулся к сторожке. По пути заметил, что на воротах бокса № 18 висит такой же амбарный замок.

Сторож посмотрел на мои погоны, спорить не стал. Двинулся в мою сторону телефонный аппарат, сам же потянулся за газетой, лежавшей рядом. Я придвинул аппарат к себе, уже вставил палец в диск. И замер. Потому что сторож развернул газету, и я увидел обложку. На обложке была голая девка. Голая! Совсем! С торчащими в стороны голыми сиськами, такими острыми, как боеголовки ракеты. Нет, голой девкой на обложке западного журнала меня было не удивить. В комитете целый склад реквизированной у несознательных граждан западной порнухи имеется. Но это было на русском языке! Промежность обнаженной дивы была закрыта большим названием газеты. »AIDS-INFO».*

** С 1991 года газета стала называться просто «СПИД-Инфо».*

Значит, все-таки – газетка иностранная. Но на черно-белой обложке имелись и подзаголовки на русском языке: «Путаны с Ленинградки задирают цены», «Публичный дом на кладбище», «Наполеон любил женщин, не отстегивая сабли», «Московский школьник жил с завучем и училкой по домоводству», «Презики со вкусом клубники» и прочее.

Это что, диверсия?

Но тут пришлось удивиться еще больше. Я разглядел дату выпуска газеты. Май 1991 года!

Я – в будущем?!

Глава 3. Гаражный разбор

Была, была еще надежда, что это какой-то розыгрыш или недоразумение. Что сейчас все выяснится, все исправится и придет в норму.

– Это подполковник Ловчев. Соедините меня с генералом Кондратьевым, срочно! – сказал я в трубку, едва голос на том конце отозвался.

Сейчас секретарша генерала Наташа, красотка, на которую засматривались все мужики в оперативном отделе, (и даже женатики) соединит меня с начальником. Тот скажет привычное «Кондратьев на связи», выслушает молча, не перебивая, и подытожит услышанное опять же привычным: «Натворили». Или: «Можете, когда хотите». Но это редко. Это, когда у нас было чем его порадовать. А в основном – «натворили». Потом, после недолгой паузы укажет, что дальше делать. И все наладится...

Но из трубки донеслось:

– Вы, наверное, ошиблись. Здесь такого нет. Генерал давно на пенсии.

Это не был голос Наташи – секретарши моего непосредственного начальника. Кажется, неизвестная девушка собралась положить трубку, но вдруг переспросила изменившимся голосом:

– Простите, вы сказали Ловчев? Представьтесь еще раз.

– Подполковник Ловчев, – сказал я поспешно.

– Вы где? – спросила она после довольно долгой паузы.

– Объект «17-18» – сказал я. – Тут происходит что-то странное. С кем я могу...

– Будьте на месте, – сказала девушка быстро. – К вам придут. Уже едут...

«Совершенно секретно!»

Председателю Комитета Государственной безопасности тов. Крючкову В.А.

Товарищ генерал армии! Докладываю Вам, что в ходе операций «Аспирант» и «Очкарик», проводимых оперативным отделом главного управления КГБ по городу Москве в мае 1970-го года, при обезвреживании иностранной агентуры в подвале гаража на юго-востоке Москвы (объект 17-18) был обнаружен механизм, условно названный хроноагрегат. Или машина времени (рассчитана математиком Б., собрана инженером Т. из подручных материалов). Посредством этого хроноагрегата появлялась возможность преодолеть пространственно-временной континуум (т.е. – попасть в прошлое, заглянуть в будущее).

Приказом генерал-майора КГБ Кондратьева я был назначен старшим группы по изучению хроноагрегата. К изучению возможностей хроноагрегата управлением были привлечены ученые: академик Дудинский В.Н, ведущий специалист по вычислительной технике, профессор МГУ Шубин

А.В и профессор истории Дубцов Д. Ф.

Собранной группе было поставлено задание – выяснить посредством хроноагрегата местонахождения либерей, более известной как библиотека Ивана Грозного. Сначала для выполнения задания в прошлое был отправлен лейтенант Райкин, внедрившийся посредством хроноагрегата в тело опричника, крещеного татарина Панкрата Улюкаева. Он должен был выяснить, где именно была спрятана либерей. Однако, пространственно-временной вектор, настроенный профессором тов. Дубцовым, оказался не точен, и лейтенант Райкин оказался в 1570-м году. По этой причине точного места, где была спрятана либерей, узнать не смог, поскольку она еще не была спрятана. А сам Райкин застрял в теле указанного опричника. Я вызвался выволить своего подчиненного и по заданию председателя КГБ тов. Андропова Ю.В. был отправлен 31.05.1970 г., посредством хроноагрегата в прошлое, а именно в 1571 год. Но по независящим от меня причинам события пошли не по утверждённому плану...»

Черт! А где же второй листок? Нет второго. Странно...

Этот рапорт я написал после того, как они приехали. На новой черной «Волге», в серых плащах, в почти одинаковых шляпах. Едва выйдя из машины, сразу предъявили удостоверения. Полковник КГБ Шурыгин, майор КГБ Клещов. Я особо внимательно разглядел даты под печатями. Последняя – 1991-й год.

Шурыгин подозвал к себе милицейского сержанта, шепнул что-то, тот кивнул и побежал выполнять. Менты сначала разогнали зевак с линии между боксами, после этого уехали.

Мне эти коллеги как-то сразу не понравились. Тут их боевой товарищ вернулся живым с опасного задания, а ни теплых объятий, ни предложенной сигаретки. Как-то просто и обыденно объяснили, что никакой ошибки нет, что сейчас действительно 1991-й год, и что мы с Райкиным считаемся пропавшими без вести. Добавили, что поскольку генерала Кондратьева нет, а оперативное управление возглавляет генерал Козырев, то я поступаю в его полное распоряжение.

– Но я получил задание лично от товарища Андропова, – возразил я.

– Юрий Владимирович, он... ээээ... – он умер, – как-то неуверенно замямлил Шурыгин. – Комитет возглавляет товарищ Крючков. Если считаете нужным писать рапорт на имя руководителя КГБ, пишите на имя Крюčkова В.А.

Полковник сразу заставил меня тут же в гараже писать подробный рапорт о случившемся. Второй, который майор, полез проверять, что там в подвале.

– А кто сейчас курирует проект с хроноагрегатом? И как теперь называется операция? – спросил я.

– Генерал Козырев в курсе вашего задания, – уклончиво ответил полковник, просматривая мою писанину.

– Это какой же Козырев? Витя?

– Да, Виктор Витальевич, – сказал полковник удивлен-

но. – Вы знакомы?

Ну и дела! Витька Козырев – генерал?! В жизни бы не поверил!

– Да, был у меня в подчинении, помню его еще капитаном, – хмыкнул я.

Полковник пропустил мимо ушей мой смешок и взялся читать вторую страницу моего рапорта. В это время к гаражу подъехала белая санитарная машина с большим красным крестом на борту. Я эту машину узнал. Как раз из спецклиники, где комитет держал граждан... со странными фантазиями. Некоторые утверждали, что они – путешественники во времени.

Из санитарки вылезли трое крепких парней в белых халатах. Все понятно, чувствую, Улюкаева опять ждет уютная больничная палата. А что, его и готовить особо не надо – и так в смирительной рубашке. И действительно, два санитаря по кивку Шурыгина подхватили Улюкаева и поволокли его в будку.

Я посмотрел на остальных своих невольных спутников. Райкин рассматривал «Волгу», на которой приехали офицеры, и о чем-то говорил с ее водителем. Понятно, новая машина, самому интересно...

Царь тоже вышел из гаража и очень внимательно рассматривал санитарку, тыкал пальцем в протектор. Кажется, машина ему нравилась. Кстати, если честно, то он меня удивлял. Редкая выдержка! Ему бы паниковать, требовать воз-

вращения обратно, а он нет, как только мы вылезли из подвала, если не молился, то все рассматривал, трогал. Его механический слуга ходил везде за ним или стоял рядом. Ну, или находился в зоне прямой видимости. Вот и сейчас Ваня стоял у дверей и лишь поворачивал голову, держа Ивана Васильевича в поле зрения.

Я поставил дату, размашисто расписался и протянул окончание рапорта Шурыгину. На трех листах получилось! Тем временем из подвала вернулся майор Клещов. Кратко доложил:

– Дверь взорвана. Пластид. Машина вроде цела. Но разобрана. Одна колба разбита.

– Почему разобрана? – резко повернулся ко мне полковник. – Кто разобрал? Агрегат исправен?

– Исправен, – ответил я. – Одну колбу надо заменить. И батареи зарядить. А разобрали мы, когда дверь взрывали. Нам стол понадобился. Для защиты. От взрывной волны.

– Понятно, – кивнул Шурыгин, переглянулся с Клещовым и добавил, – ну что, поехали что ли?

Я так и не понял, куда и на чем именно мне предложит поехать полковник Шурыгин, потому что со стороны санитарки раздался какой-то громкий вскрик. Я с удивлением увидел, как два санитаров ловко натянули на царя смирительную рубашку и по лесенке втоптали его в будку. И быстро как! Вот только что он машину рассматривал, и вот его уже нет, и одинокий посох лежит в пыли. А к нам шел третий санитар

с довольно мерзкой ухмылкой. И в руках у него было еще три смирительных рубахи. Зачем еще рубахи? Для чего? Для кого?

– Не дергайся, Ловчев, – почувствовал я тычок чего-то твердого в спину. – Ты сам все понимаешь.

Явно не пальцем ткнул мне в спину полковник Шурыгин. Пистолет, и, кажется, с глушителем. Вот честно говоря, не ожидал. Что, меня вместе с остальными в спецклинику? Впрочем, а чего удивляться? Я же тоже в какой-то мере путешественник во времени.

– Не надо рубашки Не позорь мундира, я сам поеду, – сказал я.

– Сам, так сам, – обрадовался Шурыгин. – Знал, что ты сам все поймешь. Виктор Витальевич так и сказал, что ты – догадливый. Но на всякий случай примерь-ка.

Сзади мне вложили в руки что-то железное. Наручники. Я чуть повернул голову и заметил, что майор Клещов тоже держит в руке пистолет с глушителем. И вот этим пистолетом легонько подталкивает Ваню в сторону санитарки. И тот туда без всякого сопротивления идет и даже сам поднимается по лесенке.

– Ну давай, Коля, не тяни с браслетами, – снова ткнул меня в спину Шурыгин.

Я надел на левое запястье железное полукольцо, защелкнул, но полностью себя сковать не успел, потому что в этот момент из будки санитарки с протяжным криком вылетело

что-то крупное, белое. И это врезалось прямо в Клещова. Оба – майор и упавший на него санитар свалились в пыль. После небольшой паузы из будки тоже с солидным таким звуковым сопровождением вылетел второй санитар. И опять на Клещова, собиравшегося подняться.

Санитар с рубахами обернулся, видимо, очень удивился происходящему и тут же поспешил на помощь своим. И Шурыгин немного отвлекся, тоже с удивлением наблюдая за происходящим. Не каждый день видишь свободно парящих санитаров. Я подловил момент, чуть сместился вправо и резко двинул левым кулаком Шурыгину в нос. Попал удачно, аккуратно в глаз, да еще в нос ему попало прям кольцом от наручников. Полковник пошатнулся и схватился левой рукой за пострадавший глаз. Я быстро развернулся, ребром ладони в локтевой сгиб выбил у него пистолет и добавил ему кулаком в солнечное сплетение.

Шурыгин обмяк и сполз на пол у верстака.

Слабоват полковник что-то оказался. И реакция заторможенная. Знать, давно спортзала не посещал. Я огляделся, а где Райкин? Совсем про него забыл. Его что, тоже санитары повязали?

Нет, Райкин стоял около белой машины с красным крестом и с интересом наблюдал, как из будки вылетает третий санитар. И опять на вставшего было Клещова. Прям снайпер какой-то в будке засел! Как точно медицинских сотрудников метает! Правда этот санитар после падения на мягко-

го Клещова сразу вскочил и снова хотел рвануть к будке, но тут Райкин сделал резкое движение рукой, санитар обмяк и улегся поперек коллег.

Райкин поднял что-то с земли, осторожно заглянул в будку, кивнул и подошел ко мне. Понимающе посмотрел на лежащего Шурыгина, положил на верстак два пээма. Один был с глушителем. Видимо тот, что был в руке у Клещова.

– Второй ствол откуда? – спросил я.

– Представляете, товарищ подполковник, мы с ихним водителем так мирно беседовали про движки, лошадиные силы, трансмиссию, и тут водила вдруг вытащил пистолет и сказал, что я арестован.

– Он... жив, надеюсь?

– А что ему сделается? Я его в багажник засунул. Пусть полежит, отдохнет.

Я нашарил в кармане у Шурыгина ключ от наручников, освободился от браслета и пристегнул им владельца к тискам на верстаке. Шурыгин не сопротивлялся, только пучил глаза, пытаясь восстановить дыхание. Знать, хорошо я его приложил.

– Сдурел, Ловчев! Знаешь, что с тобой Козырь сделает! Он тебя в лепешку! Сдайся сам, лучше будет.

– Только не мне, – закончил я заманчивое предложение полковника.

Тем временем из будки спустился Ваня, за ним вышел Иван Васильевич. Уже без смирительной рубахи. Райкин

быстро метнулся к машине, с поклоном подал государю посох. Повернулся ко мне:

– Чует мое сердце, сваливать нам надо. И их величества забирать, – кивнул он на государя и слугу. – И побыстрее. А то все кончится летально.

Оказалось, разгневанный государь, получив посох в руки, сразу начал охаживать им обидчиков – санитаров. Ну и Клещова за компанию. Бил серьезно, с оттяжкой. Видимо, так сильно был рассержен покушением на помазанника божия. Сделал паузу, похлопал себя по груди, где до того висел крест. Креста с камнями на груди не было. Иван Васильевич наклонился над кучей тел. Нашел крест в кармане халата одного из избиваемых. Приложился к распятью губами, вернул крест на свою грудь и... продолжил избивание.

Я был с Райкиным согласен. Стоило поторопиться. Не только из-за сбережения санитаров. Во всех смыслах. Если я и должен дать отчет о случившемся, то не в смирительной рубашке и не в клинике для душевнобольных. Я – офицер КГБ! Я присягу давал. И цену себе знаю!

Только на чем сваливать? На санитарке – слишком заметно. Далеко не уедем. На черной «Волге» Шурыгина? Наверняка сразу искать будут. Я повернулся и посмотрел на мою Ласточку. А что? Почему нет? У меня в багажнике и комплект номеров запасных имеется. Только вот аккумулятор сел.

Райкин без слов все понял. Снял аккумулятор с «Волги»

противника, поставил на нашу. Я посмотрел на яркую наклейку на батарее – фирма «Бош». А неплохо живут оперативники КГБ, у нас такого не было. У нас все больше – отечественные. Если ночью мороз – лучше занести домой. А этот – фирмаА!

Ласточка завелась сразу, словно только этого и ждала. Бензина было полбака.

– Я вот еще, – сказал Райкин, оказывая мне пучок каких-то проводов. – Там у них что-то типа рации в машине. На «Алтай» похожа. Так я подергал проводки...

Вот нравился мне Райкин. Именно инициативностью!

– Слушай сюда, полковник, – сказал я, наклонившись к Шурыгину. – Оружие, документы забирать на первый раз не буду. В багажнике будут. Вите скажи, что Коля вернулся. Это хорошо, что он меня помнит, я ему еще позвоню.

Я пинком ноги загнал его пистолет под верстак, подобрал выпавшие на пол листки с моим рапортом. Сунул в карман.

– Пока коллега! Ноги подбери, я выезжать буду, – сказал я на прощанье уже из окна машины.

Я аккуратно выехал из гаража, государь оставил избиение и с любопытством рассматривал мой автомобиль. Особо – оленя на капоте и блестящий передний бампер. Райкин с поклоном открыл перед ним переднюю дверь. Иван Васильевич с сомнением покачал головой, но в машину уселся. Что-то пошептал в набалдашник посоха. Ваня, все еще стоявший у будки, вдруг дернулся и тоже полез в машину – на заднее

сидение. Райкин тем временем закрыл гараж, замотал петли проволокой. Он уже собрался сесть в машину, когда из будки санитарки показался Улюкаев. В смирительной рубашке с завязанными сзади рукавами.

Райкин вопросительно посмотрел на меня.

– Решай сам, – сказал я. – Но в клинике за ним по крайней мере проследят. А с нами... сам понимаешь...

– Ничего, при мне целее будет, – сказал Райкин и помог Улюкаеву спуститься по лестнице. Стянул с него смирительную рубашку и даже открыл дверь авто.

Улюкаев в машину сел, но на Райкина посмотрел зло.

Перед тем как тронуться я обернулся на кучу-малу, устроенную Ваней и избитую Иваном Васильевичем. Побитые санитары и майор Клещов слабо шевелились и пытались расползтись по сторонам, как раки.

– До свадьбы заживет, – сказал я и врубил скорость.

Ворота в кооператив были закрыты. Я остановился у будки сторожа, заглянул в окошко, опять потребовал телефон. Сторож, явно запуганный обилием силовиков в короткий временной промежуток, аппарат предоставил незамедлительно.

Я приложил трубку к уху, быстро набрал домашний номер. Длинные гудки. Наконец соединилось.

– Алло! Ирина, ты? – крикнул я в трубку. – Алло! Ирина...

Голос в трубке женский, незнакомый:

– Вам кого?

– Ловчеву. Ирину. Это квартира Ловчевых?

– Ловчевы здесь больше не живут.

И короткие гудки.

– Зачем ворота закрыл? – спросил я сторожа.

– Так это... Товарищ полковник велели. Сказали, что без устного или письменного приказа никого не впускать, никого не выпускать.

– Открывай ворота, – сказал я.

– Так это, а приказ?

– Устного нет. Бумага есть? Давай бумагу, письменный напишу. Письменный ведь можно?

Сторож кивнул, соглашаясь, аккуратно вырвал листок в клеточку из общей тетради, протянул мне. Я широко и размашисто написал: *«Приказываю открыть ворота! Подполковник КГБ Н.Ловчев»*. Расписался, а вот с датой чуть не ошибся. Пришлось семерку менять на девятку.

– Годится? – предъявил я документ.

– Вроде да, – сказал сторож, чеша в затылке.

– Так открывай давай. У меня важная персона в машине.

Ждать не любит.

– А потом что?

– Потом закроешь.

Я выехал в открытые ворота, остановился, дождался пока сторож снова защелкнет замочную дужку.

– Закрыл? – спросил я.

– Закрыл, – кивнул сторож.

– Дай-ка ключ сюда, – сказал я, протягивая руку через прутья.

Сторож отдал.

«Изъял подполковник КГБ Ловчев» нацарапал я на листке и вручил сторожу. Такой вот обмен. Конечно, жалко мужика, влетит ему, наверное. Но мне нужно было время чтобы уехать отсюда подальше. Закончить свои дни в клинике с решетками на окнах в мои планы не входило.

Я уже выехал на трассу, когда лампочка на панели с трубкой засветилась веселым огоньком. Ого! Аппарат профессора Лохонзона работал! И зарядился как быстро!

Я взял трубку, приложил к уху и услышал знакомый голос:
– Ну здравствуй, Коля...

Глава 4. Новая реальность

– Ну здравствуй, Коля... – сказало из трубки.

Я едва удержал руль. Я его узнал... Потому что это был...

Это был... мой собственный голос...

– Догадываюсь, что ты сейчас за рулем, а в машине – пассажиры, – продолжил звучать голос в трубке. – Пассажиры – не самые обычные. Я угадал? И я бы посоветовал тебе съехать на обочину прямо сейчас. Поговорим спокойно, тем более, номера на Ласточке лучше сменить побыстрее. Ее наверняка уже объявили в розыск.

Я включил подворотник, съехал, остановился. Отключил трубку от прикуривателя, вышел с ней на улицу и стал оглядываться, словно искал невидимого собеседника. А тот вдруг запел:

– Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй...

Я знал, что с музыкальным слухом у меня – не очень, но это – просто днище какое-то. Ни в одну ноту не попал. Я хотел его прервать, но он успел допеть всю песенку:

Не ходи во двор гулять, а приляг-ка на кровать...

Не пойдем играть в футбол. А узнаем про ООН...

Черт! Откуда он знает? Эту песенку – смешинку мама придумала. Летом, как раз после седьмого класса. Первое лето после войны. Мы снимали в спортзале светомаскировку с окон и я сорвался, грохнулся неудачно. Вот и... Ребята во

дворе в футбол гоняли, или на вокзал бегали, поезда с победителями встречать. А я в гипсе, на костылях. Обидно...

– Все, все, больше петь не буду, – хохотнул голос в трубке. – Это было для установления доверительных меж нами отношений. Это нам мама пела, когда мы ногу сломали в восьмом классе, помнишь? А Тамара Сергеевна нам задание дала подготовить доклад про образование ООН. Вот мама на почту каждый день ходила за газетами для нас. Для доклада. Такой доклад получился! Осенью в школе никто еще толком не знал, что такое ООН, а тут мы с докладом. И в райкоме комсомола нам за доклад – грамоту. Помнишь? Над столом в рамочке висела. Больше про это никто не знает...

– Только мама, – возразил я. – Она... жива?

– Догадываюсь, что ты хочешь спросить про маму, про Ирину. Мне нечего тебе сказать, я не знаю, в какое время ты вернешься, и с кем. Я – только голос на магнитофонной пленке. Единственное, чем я могу тебе помочь, оставить вот это послание на Ласточке и саму Ласточку. Едва уговорил их закатить ее в гараж. Надеюсь, ты не посеял ключи на каретном дворе государя? Теперь главное, если сработал вектор Дубцова, то плохо дело. Последствия могут быть самыми плачевными. Для нас, для страны. Шубин обещал отправить меня обратно в прошлое. На пару запусков хроноагрегата должно хватить. Надеюсь, у меня получится исправить. И очень надеюсь на Райкина. Если у Райкина получилось, и государя все-таки перенесет к нам невредимым в его физи-

ческом обличии, то имей в виду, что часть Дубцова в нем будет присутствовать. В чем-то это и хорошо. По крайней мере, современному языку его обучать не придется. И от автомобилей шарахаться не будет. Но в остальном... В общем – разберешься, я в тебя верю... И еще... Шубин составил новый пространственно-временной вектор, он должен нейтрализовать вектор Шубина. В общем, тебя может перенести в момент, когда нашему государству будет грозить опасность. Трудно объяснить словами, но...

В трубке раздался какой-то треск, грохот, чьи-то голоса.

– Приехали уже, – снова заговорил Николай. – Не думал, что так быстро. Мне пора. Я на тебя надеюсь, верю, что не подведешь. Помни, кто ты... Найди Кондратьева, найди нашу коллекцию, я там оставил тебе... и либерею им не отдавай! Ни в коем случае! Помни, что...

Запись кончилась. Я еще с минуту послушал тишину, потом нажал кнопку отбоя, сунул трубку в карман. Подошел к багажнику, открыл, нашел на дне пару номеров. Быстро прикрутил взамен старых.

В машину я вернулся мрачнее тучи. Сел за руль, посмотрел на царя. Неужели в нем Дубцов? Да нет, не похоже...

И только когда я съехал с трассы в рощицу, то вдруг понял, что... не знал, что я сказал бы Ирине, если бы дозвонился. Сколько ей сейчас? В семидесятом было тридцать пять. Сейчас на двадцать лет больше. Даже – на двадцать один. Пятьдесят шесть. Пенсионерка...

В машине на ходу что-то поскрипывало и постукивало. И пахло чем-то затхлым. Ну понятно, двадцать лет в гараже без движения, без ухода. Ладно, дайте время, обиходим машинку, лишь бы сегодня до места довезла. Определиться бы точно с местом. На Лубянку? К начальству? Явиться лично с докладом. Только что там за начальство? Витя Козырев – генерал? И он приказал меня везти с остальными в дурдом? Ладно, Витя, поговорим еще, пообщаемся. Мне будет что тебе сказать...

– Вези меня в кремль, боярин, – вдруг сказал царь, словно услышал мои мысли.

– Что?

– В кремль вези, в палаты! Пока кремль и храм Покровский своими газами не увижу, не поверю, что это – Москва, а ты – не бес. Бесовского здесь много!

Почему-то царь сразу определили во мне «боярина». Наверное, за парадный мундир цвета морской волны. И за «самокатную повозку» марки «Волга» ГАЗ-М-21. Я хотел было послать помазанника куда подальше, но неожиданно нашел это предложение разумным. В стране явно что-то произошло, многое изменилось. На месте ли Кремль? Тем более, от Кремля и до Лубянки недалеко. Пешком дойти можно. А там сориентироваться по месту...

Царь на переднем пассажирском сиденье и очень мешал-

ся мне своим посохом. Но расставаться с ним отказался наотрез. Как я понял, посредством посоха он управлял своим железным «болваном». Болван в царском платье и со съехавшей на бок шапке с меховой опушкой сидел на заднем сиденье и смотрел перед собой. Райкин с Улюкаевым сидели по бокам. Видок у них был еще тот! Райкин в мохнатой шапке на бритом черепе, в черном зипуне и с саблей на боку. Улюкаев – в полосатой больничной пижаме. В чем его с дурдома и привезли.

Доехали до центра мы без происшествий. Внешне Москва не особо изменилась. Только везде эта реклама. Не наша, на английском. На домах, на крышах, на столбах, и на растяжках над дорогой. И машин явно больше стало. В основном – «Жигулей». Были и новые «Волги». Но они мне внешне не понравились.

– Что за народ? Бунтовщики? – вдруг ткнул пальцем в окно государь. – Останови.

Я притормозил. Не то, чтобы приказа послушался, просто сам удивился. Это была длинная змеистая очередь, растянувшаяся на пол-улицы. И лицами люди, действительно, очень походили на бунтовщиков. Ну очень сердитые лица, недовольные. Разве что без дубья в руках. Дубье, то есть резиновые палки были в руках милиционеров, стоявших у дверей. И этими дубинками они наводили в голове очереди порядок. Точнее – пытались навести, желающих прорваться без очереди было достаточно. Надо же! У советских милицио-

неров резиновые дубинки. Как у полицаев в капстранах.

– «Ви-на – Во-ды», – прочел государь вывеску над магазином. – Это что же, за водой очередь? Колодцы в Москве пересохли? А почему за водой без ведер стоят?

У меня тоже были вопросы, но несколько другие. Понятно, что это очередь за спиртным. Но почему очередь? Да еще такая длинная. В чем дело? В великой стране, на родине водки кончилась водка?

Я заметил, что у некоторых в очереди на ладонях были написаны номера, и они их друг другу показывали.

Над следующим по улице магазином была вывеска «Мясо-Птица-Рыба». Вот около него никакой очереди не наблюдалось. Я подъехал к магазину, припарковался.

– Здесь сидите, – скомандовал я пассажирам, собираясь провести разведку в одиночку, но государь уже толкался в дверь. Потом видно вспомнил, что нужно потянуть ручку, чтобы выйти. Я заметил, как он наблюдал, когда я открывал дверь. Теперь и он потянул за ручку и вышел. Сразу направился к дверям продмага. Ну не загонять же его было обратно? Я вздохнул и тоже пошел к магазину.

Увиденное внутри не то что удивило. Скорее – испугало. Это не могло быть советским магазином. Ну да, советские магазины не всегда походили на рога изобилия, и на супермаркеты из зарубежных фильмов. И колбасные изделия не особо радовали обилием выбора, но все необходимое там было. Голодать не приходилось. Здесь же не было почти со-

всем ничего. В мясном отделе в застекленных прилавках какие-то кости и чьи-то хребты с тонким намеком на мясо и жир, в рыбном – только пирамиды консервов почему-то с морской капустой и вмороженная в лед мойва. Вот за серыми кубами мороженой мойвы только и стояла небольшая очередь к «рыбному» прилавку.

Государь меж тем прошелся вдоль прилавка с костями и прочитал вслух буквы, прилепленные к кафельной стенке торгового павильона: «Мясо».

– Голубушка, а где ж мясо? – спросил он толстую продавщицу, нехорошо прищурившись. – Что ж, и убоины никакой нет?

– Вот убьют кого-нибудь опять, тогда и будет убоина, – буркнула продавщица, не отрываясь от журнала «Огонек». – Будете суповой набор брать – берите. Все равно больше ничего сегодня не будет. И нечего тут...

Государь прошел дальше, заглянул в пустой аквариум, где, судя по чешуе, когда-то плавал карп. Посмотрел на куриные головы и растопыренные когтистые лапы – единственное, что было в отделе «Птица». Прочитал по складам объявление, прилепленное к стене: «Око-роч-ка по та-ло-нам будут зав-тра». Снова прошелся вдоль пустых «мясных» прилавков.

– Срамота. Был и у нас недород, но такого позора не было, – сказал государь сурово. – Купцов, что таким торгуют, на кол посадить нужно.

Продавщица, видимо, дочитала абзац, оторвалась от журнала и посмотрела на нас. Усмехнулась недобро. Видимо, ни к военным, ни к священнослужителям она особого уважения не испытывала.

– Вам, товарищ офицер, я знаю, пайки хорошие выдают. Армию и милицию за счет народа содержим. За свои, кровные! А вам, батюшка, – она посмотрела на крест, висящий на государевой груди, и на перстни на его пальцах, – вам бог даст. Вон, по камушкам в перстеньках вижу, уже дал. Вот у бога мясо и просите...

Зря она это сказала, я заметил, как государь побледнел и перехватил посох. Понял, что случится беда, но вмешаться не успел.

– Так ты ведьма! – крикнул государь и... с размаху грохнул посохом по прилавочному стеклу.

Осколки просыпались на кости. Тетка закрылась журналом с хитро улыбающимся Сталиным на обложке и заорала: «Милиция!»! Очередь за мойвой разом оглянулась на нас, но вмешаться никто и не подумал. На лицах некоторых граждан я даже заметил одобрение. Я подхватил государя под локоть и чуть ли не силком потащил к выходу. Милиция сейчас была совсем некстати.

Я толкнул царя в открытую Райкиным дверь, сам бросился за руль. Хватит мне этих ознакомительных экскурсий. Надо валить из города. В городе государь опасен.

Так он и сам был не против московские улицы покинуть.

И ехать в кремль, кажется, передумал. Приказал:

– На базар вези, боярин, к людям. Хочу посмотреть, чем народ московский нынче кормят.

Я спорить не стал, посмотрел в сторону ментов, охранявших водочную очередь и, хотя им было явно не до нас, сразу врубил скорость. Ехал, стараясь не нарушать правил, и лихорадочно думал, куда именно ехать? Если меня уже ищут, то и сменные номера не помогут. Начнут тормозить все серые «Волги», и все. Тем более, их на дорогах не так много. Все больше «Жигули».

Снова звонить в управление я не собирался. Что-то там было не так. И в спецдурдом мне совсем не хотелось. Домой? Дома – чужие люди. «Ловчевы уже не проживают». Но куда-то эту пеструю компанию надо было пока пристроить. И хотя бы переодеть на первое время. Ну ладно, государь в рясе за священника может сойти. Его двойник – за актера в костюме и гриме. Или за ряженого для фото с туристами. Такого даже на Красную площадь выпустить можно. Но вот Райкин в своей лохматой шапке, в зипуне и при сабле здесь смотрелся крайне вызывающе. Про Улюкаева в пижаме и говорить нечего. Да и сам я – в парадке, с золотыми погонами.

Я попытался прикинуть, где бы укрыть пока эту компанию. Снова похлопал рукой по карманам, словно надеясь, что записная книжка найдется. В книжке были полезные телефоны, «адреса, пароли, явки», можно было что-нибудь выбрать. Но книжки не было, я нащупал только картонный пря-

моугольник с дырочками. Вектор Березина. Вспомнил самого математика Березина и его мать, проживавшую в поселке Соколовка. Интересно, жива ли? Хороший дом у нее там, большой. И еще летний домик в садочке, где Березин свои формулы вычислял. А что, укрыться в пригороде – самое то! Не на явочной же квартире их держать.

Как у каждого приличного оперативника у меня было несколько явок. Как с хозяевами, так и без. Но ключи были дома, а дома – неизвестно кто. Но была еще техбаза, замаскированная под станцию техобслуживания на МКАДе. Там заведовал Василич, наш человек в звании майора. Мой хороший приятель. Там не то что четырех – десяток человек можно спрятать.

Это значит – ехать на юго-восток. Хорошо, проедушь через Черкизово. Там, кажется, базар был. Очень было бы кстати.

Но в Черкизово я останавливаться не стал. Во-первых, там шло какое-то мощное строительство, базар явно расширялся. Во-вторых, на парковке я заметил сразу несколько патрульных машин «ГАИ». Дожил! На сороковом году жизни прячусь от органов.

До станции я доехал без происшествий, порадовался, что к дороге, и так широкой, прибавилось по полосе. Однако знакомых на станции технического обслуживания «Лада» я не нашел. Да меня туда и не пустили. На массивных воротах висело объявление: «Въезд только по записи». Ни мои погоны, ни раскрытые «корки» на охранника никакого впечатления

не произвели.

– Ты чо, читать не умеешь? Неграмотный? Сказано по записи, значит – по записи, – буркнул он и захлопнул окошко сторожевой будки. И никакого Васильевича он не знал.

Решил ехать в другое место. Если мне память не изменяет, у МКАДа еще небольшой рыночек был. Покупали там с Иринкой клюкву и домашнюю сметану.

Это был не рыночек, а целый базар! Ну да, когда я в последний раз здесь был, тут стояло с десятков крытых прилавков и пара торговых вагончиков у павильона. А теперь... Конца и края не видно. Торговали даже с деревянных ящиков, стоявших на земле.

Базар удивил меня обилием звуков и запахов. Из колонок кассетных магнитофонов тут и там звучала незнакомая мне музыка и песни странного содержания. Все больше про тюрьму хриловатыми такими голосами. Что касается запахов, то здесь явно жарили мясо. И чебуреки. А также торговали различными пряностями и приправами.

Иван Васильевич дождался, пока перед ним откроют дверь, вылез, стукнул посохом в землю. Двойник зашевелился, спешно вылез из машины, встал перед государем. Государь указал посохом на ворота с надписью: «Колхозный рынок» над входом, болван послушно двинулся туда.

Ага, понятно, как это действует. Дистанционный пульт?

– Эй, а ты куда? – ухватил я за пижаму рванувшегося следом за царем Улюкаева. Вот только придурка в полосатой

пижаме и в шлепках без задников мне для полного счастья не хватало.

– Я князь велик вэрный слуга! – выкрикнул Улюкаев. – Я тел его бэрэчь.

Опричник был слабоват в русском, понимал я его с трудом. Но, видно, что рвется в царские телохранители.

– Беречь, беречь, – не стал я спорить. – Только нельзя тебе в таком виде тело государя беречь. Не то платье, понимаешь?

– Тогда пусть он, – Улюкаев указал пальцем на Райкина, – зипун мой отдавать! Порты мой отдать! Сапогы! И сабля мой пусть отдать! Мой сабля!

В словах Улюкаева был резон. В ходе обмена разумами через машину времени Райкин получил не только тело опричника, но и его наряд, и его саблю. И там в подвале гаража Улюкаев первым делом попытался у Райкина свою собственность вернуть. Но Райкин имел разряд по самбо и боксом занимался, быстро поставил опричника на место и зипун с саблей отстоял.

Я поднял с земли штaketину, вручил ее Улюкаеву.

– Повозку охранять будешь. Если кто в повозку полезет – бей без жалости.

Улюкаев штaketину взял, но все-таки на свою бывшую саблю глянул. Жалобно так, как ребенок на любимую игрушку, которую отняли. Я хотел было велеть Райкину отдать саблю опричнику. Это все-таки холодное оружие, и даже за его хранение срок можно схлопотать. Но передумал. Уж больно

опричник норовом горяч. Неизвестно, что со своей саблей выкинуть может. Пускай пока у Райкина побудет.

Я открыл дверь, Улюкаев послушно сел в салон. На улице становилось жарковато, чего удивляться – завтра лето. Я снял китель, уложил на сиденье, на всякий случай обоих запер. Спрятал ключи в карман парадно-выходных брюк.

Кстати, когда мы прошли в ворота рынка, я чуть не столкнулся с чудиком в мешковатом сером плаще, смешном черном берете и в очках. В одной руке у него была сумка, подмышкой он держал большой арбуз. Арбуз в конце мая – дорогое удовольствие.

Лицо чудика показалось мне знакомым.

Глава 5. Базарные времена

Государя мы с Райкиным догнали быстро.

– А чего он везде с этим... с болваном? – спросил я, обнаруживая в толпе фигуру в шапке с меховой опушкой.

– Покушения опасается, для того и завел, – объяснил Райкин емко.

Государю базар определенно понравился. Он первым делом двинулся в мясной павильон и теперь ходил вдоль рядов смотрел на груды розового мяса, вырезки, одобрительно побрякивал. Я тоже товару дивился, но все больше – ценам. Говядина – 15 руб. за кило, свинина – 9! С ума сойти. С такими ценами и никакой генеральской зарплаты не хватит.

Похвалил государь и фруктово-овощные ряды. Надо признать, тоже довольно богатые. Даже хрустнул соленым огурчиком, которым угостила его румяная селянка, и угостился яблочком от щедрот смуглого хлопца в полосатом халате и тюбетейке.

– Вижу, купцов восточных здесь не обижают, – сказал он удовлетворенно. – Это хорошо, это правильно. Но скажи, боярин, а чего же в той лавке, где мы с тобой были, такое убожество? Тут товара-то справно да доброго много. Не похоже на недород. А там, в лавке, кости, что и собаке дворовой бросить зазорно.

Объяснять гостю из прошлого тонкости в разнице между

государственными магазинами и рынками при социалистической системе было трудновато. Я попытался, как мог:

– Там торгуют с государственных складов. По твердым установленным ценам. А тут купцы сами привозят и цену сами назначают.

– Из государственных складов, говоришь? Так что за склады такие с костями? Или же государевы стряпчие, получается, воруют? Раз в лавках такое продают. Это ж казне убыток прямой. И что же, государь не видит?

Возразить было нечего. Выходило, что воруют. И что государь реально не видит. Куда только ОБХСС смотрит?

Понравились государю и платяные ряды. Особо – там, где торговали «конверсией» – военным обмундированием. Он даже прикинул на плечи теплую куртку военного покроя. От фасона, конечно, был не в восторге, но воротник похвалил. И к армейским шинелям присмотрелся. Примерять не стал, но материал пощупал.

– А что, не озябнет служивый в таком сукне да на морозе? – интересовался он.

Мне эти куртки и шинели были знакомы, я по возможности подробно объяснял их преимущества. Особо порадовал государя хлястик и разрез сзади шинели.

– Это что же получается? Когда пешком, то разреза сзади и не видно. А как на лошади, так шинель, как попона. Хитро придумано.

В шапочных рядах шляпы-кепки рассмотрел, но приме-

рять не стал, пока не наткнулся на чудака, который торговал почему-то зимними шапками и даже шубами из синтетики. Для начала лета предложенный товар даже для базара выглядел странно, но царь остановился, долго мял в руках синтетическую ушанку и гладил рукой рукав шубы из искусственного меха. Спрашивал:

– Это что же за мех? Что за зверь такой диковинный? Блестит-то как на солнце! – удивлялся Иван Васильевич.

И тут же решил синтетическую шубу примерить.

Продавцы и покупатели, собравшиеся вокруг, только похохатывали. Чудаковатый священник с большим крестом на груди всем нравился. И очень похожий на него молчаливый «царь» в тяжелом, шитом золотом наряде – тоже. Знали бы они, что крест – чистое золото, а камни в нем – настоящие, не уверен, что долго он на шее государя провисел бы. Райкин уже заметил наметанным глазом пару карманников, что шарили по карманам граждан, одного шуганул.

Райкин, кстати, согласился, что одежду нам лучше бы сменить. В своем черном зипуне, в лохматой шапке и с саблей на боку смотрелся он диковато. И он уже нашел какой-то оптовый склад с магазином, где одежда была вроде приличная, а цены гуманные. Оставалось дело за деньгами.

Райкин вытащил из-за широкого пояса и протянул мне туго набитую кошелек. Я ослабил шнурок и высыпал на ладонь из этого кожаного мешочка. Что-то мелкое, похожее на рыбки чешуйки. Если приглядеться, можно разглядеть всадни-

ка с саблей и какие-то тисненные буквы. Это что, монеты? Копейки?

– Тут полный счетный рубль серебром, – сообщил Райкин. – Там за рубль корову купить можно.

Я понял, что значит «там», и попытался вспомнить, какие деньги ходили при Иване Грозном. И не смог. А Райкин робко поинтересовался, сколько у меня «настоящих денег». Я заглянул в свой бумажник. Денег у меня было рублей тридцать. Для семидесятого – сумма вполне солидная. Но для цен, которые я наблюдал здесь...

Ваня в блестящем царском наряде и в чуть съехавшей набок шапке стоял тут же у прилавка и смотрел на все безучастно. Вот на нем шапка была богатая, но не настоящая. То есть – не шапка Мономаха. Райкин пояснил, что царский венец государь никому не доверял. А эта... Райкин пояснил, что эту царь с какого-то мурзы – изменника снял. Вместе с головой. «Но соболь на опушке настоящий. Самоцветы – тоже».

С Ваней, кстати, фотографировались. И торговцы, и покупатели. Особенно – с детьми. Снимали маленьким такими фотоаппаратами. Не как у нас, служебными с микропленкой. А вроде как похожи на «Смену», но размером много меньше, и жужжит что-то внутри. За съемку Ване даже совали в руки деньги.

Вот с этого все и началось.

– Эй, придурки! А ну, стоять!

Я повернулся на крик. К нам со стороны «шашлычки»

вразвалочку шли двое. В черных джинсах и черных куртках. При их виде шляпные торговцы разом перестали улыбаться и словно постарались стать как-то незаметнее на фоне шляп, кепок и модных бейсболок.

Да и зеваки, собравшиеся вокруг Ванюши, как-то быстро рассосались.

– Это кто? – спросил я того чудака, что летом торговал ушанками.

– Будка и Репа, – ответил он быстро и... скрылся под прилавком. И уже снизу пояснил: – Это крыша наша! Бандюки! Тикайте, ребятки, щас прессовать будут!

Да, вот там, на базаре я впервые и услышал это слово «бандюки». И впервые их увидел. Тогда бандитов я представлял себе несколько иначе... как их показывали в «Неуловимых мстителях». В различной степени придурковатых, хмельных, с обрезами. Эти же с виду были вполне нормальные парни. Оба крепкие, коротко стриженные, мордастые. Клички Будка и Репа очень подходили к их широким лицам в модных солнцезащитных очках. Видно, парни только что плотно пообедали, шли, сыто отдуваясь.

Не знаю, они просто собирали ежедневный «оброк» с торговцев, или им кто-то стукнул, что на их территории «работают без разрешения». Или, может, это наряд Ванюши сильно выделялся блеском золоченого шитья на солнце, а они проходили мимо и заметили. В общем, эти двое подошли

сначала к Ване.

– Эй, клоун, – сказал тот, которого звали Будка. – Тебя кто здесь работать поставил? Кто разрешил? На кого работаешь? Старший кто?

Увидел, в руках Ванюши рубли и трешки. И так широкое лицо его расплылось в улыбке.

– О! Мои денежки, – сказал он, забирая у Ванюши купюры. – Точно они! Потерялись, а теперь нашлись. Идите к папочке...

Охранник спрятал деньги в карман. Ваня к отнятию купюр отнесся совершенно равнодушно, в сторону Будки и головы не повернул, продолжал смотреть, как государь примеряет шубу. А второй охранник тем временем заметил Райкина, который тоже внешним видом выделялся. Тот стоял у прилавка с кепками, выбирал, видимо, мечтал быстрее сменить свою папаху на что-то более цивилизованное.

– О, гляди, братан, да их двое! Ну да, этот Иван Грозный, я в кино такого видел. А это, наверное, Мамай, – хохотнул Репа, указывая на Райкина пальцем. – Или кого там Грозный в Чудском озере утопил? Эй, Мамай, иди сюда.

Райкин удивленно на него посмотрел и с места не двинулся.

– Эх, черт нерусский! – Репа к нему подошел и стянул с его бритой черепушки папаху. Напялил себе на голову.

– Лысый, иди пописаи! – посоветовал Репа Райкину, вернулся к Ванюше, обнял его за шею, подмигнул приятелю. –

А ну, братан, щелкни меня с грозным царем!

Будка закивал и достал из кармана куртки маленький плоский фотоаппарат. Сделал несколько снимков. Потом передал фотоаппарат Репе, снял шапку с Ванюши, нахлобучил ее себе на голову, и тоже с ним обнялся. Репа несколько раз щелкнул.

– Эй, Мамай, ну-ка подь сюда, – обернулся Репа к Райкину и протянул фотоаппарат. – Давай, щелкни нас с братаном, и с этим, как его... – Русский язык понимаешь? На кнопку нажать сможешь?

Райкин погладил бритую лысину и посмотрел на меня. Я заметил, что его правая рука нервно теребит рукоятку сабли. Я сделал знак, призывая его сдержаться. Мне тоже эта фотосессия совершенно не нравилась, братки вели себя уж больно нагло. Однако, с чужим уставом в чужой монастырь... Привлекать к себе внимание уж очень не хотелось.

Райкин взял фотоаппарат, быстро разобрался, что там и как. Навел на Ваню в окружении братков. Нажал на кнопку.

Тем временем государь примерял очередную шубу из меха искусственной чебурашки, смотрелся на себя в зеркало. Сожалел, что одежда коротка, и ворчал:

– Кто ж шил так? По колено. Коротковата шуба-то. Не шуба даже – полушубок... И чего ж мехом наружу? А вдруг дождь? Пострадает мех! Не дикари чай, мехом наружу носить. Не звери ведь, не зайцы, не медведи. Мехом внутрь надо! А мех хорош!

Тут он и заметил, что его верного телохранителя как-то не очень ласково обнимают чужие люди. И даже лишили ценного головного убора.

Он отвернулся от зеркала, с удивлением посмотрел на спрятавшегося под прилавком торговца:

– Это кто ж такие?

– Братва рыночная, – ответил торговец.

– Вижу, что братья – похожи. Они кто? Служат? Государевы люди?

– Да какие государевы... Брюхановске это. Рэкетеры. Он тут рынок держит, они бабло с нас стригут. Каждый день ходят. А мне седня и дать нечего, почти ничего еще с утра не продал.

– А за что стригут... бабло? – спросил Великий князь, снова глянув в сторону хохочущих мордатых.

– За охрану.

– Это понятно. А охраняют от кого?

– От таких же, как они.

Я про рэкет слышал. Вернее, видел в каком-то зарубежном кино. Рэкетеры там носили серые плащи и шляпы, ездили на длинных автомобилях и стреляли из автоматов с большими такими круглыми дисками.

Государь нахмурился, подхватил свой посох и двинулся к месту съемок.

– Эй, вы кто такие, чьих будете?! – крикнул государь, подходя к охранникам вплотную. – Почто слугу моего обижае-

те?

Бычары одновременно повернулись в его сторону. Тут же оба залыбились. Что и говорить, вид у государя был, что говорится, чудноватый. Простоволосый, в синтетической шубе поверх рясы, с большим блестящим крестом на груди. На блеск в его глазах они опрометчиво внимания не обратили.

– Блин! Их тут целая кодла! А это этот... как же его, – тужился вспомнить Репа. – Распутин – во! Гришка! Я в кино видел. И крест у него какой! Прямо как настоящий! Ты сам чьих будешь, баклан?

И Репа протянул руку, видимо, собираясь ухватить и рассмотреть крест поближе.

А вот зря он это сделал. Ванюша с тем же безучастным выражением на лице вдруг перехватил Репу за локоть и сжал его. Улыбка с лица Репы мигом слетела, сменившись гримасой боли.

Будка еще улыбался и не сразу сообразил, что у кореша реальные проблемы. Пока тот не застонал от боли.

– Сдурел, убогий?! – бросился Будка на помощь корешу, пытаясь ухватить Ваню за грудки парадного наряда.

Но Ваня, не поворачивая головы, оттолкнул Будку ладонью в грудь. Вроде и не сильно толкнул, но Будка на ногах не устоял и кубарем покатился по базарной пыли. А Репа продолжал скулить от боли, не в силах вырваться из стальной хватки царского слуги.

Райкин тем временем подхватил свалившуюся с головы

Будки шапку, бережно отряхнул и водрузил обратно на голову Ване. Свою же мохнатую шапку стащил с головы Репа, вернул на свой череп и сообщил стонущему:

– Считай, что пописал. Спасибо за ценный совет.

Иван Васильевич смотрел на все это, как мне показалось, с интересом. Продавцы со своих прилавков – тоже. На лицах некоторых – скрытое и не очень злорадство.

А Ваня вдруг отпустил локоть Будки и перехватил другой рукой его за горло. Будка захрипел.

– Брось его, – брезгливо сказал царь.

Будка упал в пыль и начал кататься, громко хрипя и зажимая здоровой рукой поврежденный локоть.

Я же... Я, признаться, замешкался. Да еще сунул руку в карман и обнаружил, что безоружен – пистолет остался в кителе. Но успел заметить, что один из продавцов свой прилавок покинул и теперь легкой трусцой направлялся в сторону шашлычки. И я догадывался – с какой целью.

Тем временем из пыли поднялся Репа, утер пыль с лица, сунул руку в карман, вытащил какую-то блестящую штуку, взмахнул ею. Штука щелкнула и превратилась в такую мощную пружину. Я узнал телескопическую дубинку, изымали подобное у агентов иностранных держав. Репа сплюнул и решительно двинулся на Ваню, тот развернулся к нему лицом, словно заслоняя собой государя.

Репа замахнулся, но удар дубинкой цели не достиг. Звякнуло железо о железо. Это Райкин ловко подставил саблю.

Отбив удар, сам взмахнул саблей, заставив Репу отступить. Когда же Репа замахнулся снова, хлестко удалил его кончиком сабли по руке. Репа взвыл и выронил дубинку.

– Райкин, уводи государя к машине, – крикнул я, примерно представляя, что сейчас будет. По всему – к рэкетирам прибудет подмога. И я не ошибся, из дверей забегаловки появились люди. Тоже крепкие молодые парни, тоже в куртках. Они посмотрели в нашу сторону и гурьбой двинулись к нам.

– Уводи! – повторил я, соображая, что перевес сил слишком явный и не в нашу пользу.

– Не, я здесь, – задорно выкрикнул Райкин. – Уводите государя, товарищ подполковник, я их придержу.

Государь перечить не стал, посмотрел на быстро приближающуюся толпу, видно, и сам все понял. Развернулся и двинулся в сторону ворот. Шел степенно, опираясь на посох, за ним шагах в трех сзади шел верный Ваня с широко расставленными в стороны руками.

Я огляделся по сторонам, заметил около одного из прилавков жердину, видимо, к ней подвешивали товар. Рванул ее, собираясь на помощь Райкину.

– Идите, Николай Палыч, идите, – крикнул Райкин, лихо крутя саблей восьмерку над телами двух поверженных, стонущих врагов. – Спасайте государя. Я их задержу. Ждите меня у машины.

А Райкин знал толк в сабельном бое. Едва толпа приблизилась, а было их человек восемь, он завертел саблей

еще быстрее, заставив братков остановиться, а одного самого борзого зацепил острием по колену. Тот тут же запрыгал на одной ноге и тоже свалился в пыль.

Я посмотрел, что Райкин вполне справляется и даже теснит противников, и двинулся за государем.

Ну и видок у нас тогда был. Впереди вышагивает государь с посохом, в синтетической шубе нараспашку, с блестящим золотым крестом на груди. За ним семенит с расставленными в стороны руками Ваня, за ними я, в белой форменной рубахе, с жердиной в руках. Я шел, постоянно оглядывался и боялся только одного – звука выстрелов. Ясно было, что голыми руками браткам с Райкиным не справиться. Но вдруг у кого-то пистолет?

К счастью, выстрелов я так и не услышал, на парковку мы добрались без происшествий. Я открыл машину, выпустил Улюкаева. Надел китель, с облегчением нащупал пистолет в кармане. Государь сел на переднее сидение, Ваня наконец опустил руки и уселся на сидение заднее. Мне показалось, что двигается и совершает действия он медленнее чем утром. Разрядился?

С пистолетом и с корками в кармане я почувствовал себя гораздо увереннее и решил немедленно отправился на помощь Райкину. Но не понадобилось. Райкин уже сам шел к машине.

– Все нормально, – сказал он, тяжело дыша, и похлопал рукой по ножнам сабли. – Отстали.

Я молча пожал лейтенанту руку и указал на дверь машины. Пора было отсюда сваливать. Первое столкновение со свободным рынком меня лично отнюдь не порадовало.

И в этот момент со стороны рыночных ворот что-то грохнуло, потом сухо протрещало несколько выстрелов. Раздались крики. Я невольно пригнулся и обернулся в сторону взрыва.

Мимо нас быстро, явно торопясь, шел тот самый чудик в плаще и берете, что встретился нам в самом начале. Он посмотрел на Улюкаева, на его пижаму. Чуть замедлился, на ходу снял плащ и бросил его на руки клиенту спецклиники, вдогонку бросил и берет.

– Эй, чито? Дар минэ? – крикнул ему вслед Улюкаев.

Чудик не ответил и ускорил ход.

– Ай, спасибо! – сказал Улюкаев и натянул плащ.

– Эй, стоять! – услышал я сзади.

К нам бежали двое. С большими черными пистолетами в руках.

Глава 6. Путь на дно и зона «Адидаса»

Милиционеры подбежали к нам и остановились. Конечно, это были милиционеры. Оперативники. Кто еще может среди бела дня бегать по городу с пистолетами? Только оба какие-то чернявые и чрезмерно носатые. Особо тот, что повыше. Ну прям выдающийся клюв!

– В чем дело, товарищи, требуется помощь? – спросил я, предъявляя удостоверение.

Один мельком глянул на документ, сказал с характерным кавказским акцентом:

– Я себе еще не такое нарисую, да?

Второй же, тяжело дыша, рассматривал Улюкаева. Тот неожиданно приобретенному плащу явно радовался, крутился перед машиной, любясь своим отражением в заднем стекле.

– Он? – спросил один из оперов.

– Плащ похож. Но тот вроде повыше был. И в берете, – сказал второй.

– Что случилось, товарищи? – повторил я.

– Что, что, глухой что ли?! Выстрелов не слышал? – сказал тот, что с носом. – Аслана завалили. Тут в таком же плаще и берете не пробегал?

– Да что ты с ним, цветным, базаришь, – буркнул второй

чернявый, озираясь по сторонам. – Гляди! Вон он, в берете...

В толпе граждан, покидающих рынок, действительно, мелькнул черный берет. Чернявые немедленно бросились вдогонку.

А Улюкаев тем временем насладился своим отражением, достал из кармана берет, надел на голову.

Я посмотрел вслед убежавшим и берет с Улюкаева снял. На всякий случай. Кажется, удостоверение с буквами КГБ в этом времени не имело магической силы. Честно говоря, у ментов с комитетом всегда была напряженка. Но не до такой же степени... И милиционеры из этих носатых, как из меня – балерина.

Я сунул берет в карман Улюкаеву и попросил до времени придержать.

Я сел за руль, сдал назад, тронулся потихонечку на выезд. Но на выезде шлагбаум перед капотом «Волги» вдруг опустился, а к машине бвстро направились два мужика в черных куртках с дубинками в руках.

Улюкаев что-то быстро спросил Райкина по-татарски, тот так же быстро ему что-то ответил. Не знаю, что именно эти охранники хотели от нас, и связано это было как-то с произошедшим на базаре? Но когда один из них, едва глянув на мои корки, потянулся к ручке водительской двери, Улюкаев вдруг толкнул свою дверь, с диким визгом выскочил из

машины и без всяких прелюдий накатил мужику по лбу той самой штакетиной, что я ему вручил перед уходом. Мужик тут же рухнул на асфальт. Второму охраннику досталось уже по хребтине, когда Улюкаев его преследовал. Открыть шлагбаум дерзкий татарин не смог. Не допетрил, как это сделать. Что его можно просто поднять. А потому просто отломал полосатую штангу и бросил на асфальт. Но путь нам освободил и в машину запрыгивал уже на ходу.

Что меня больше всего удивило. Никто из окружающих не вмешался и охранникам не помог. Смотрели, как на какое-то представление. В какой-то странный мир я попал...

Я ехал из Москвы и обдумывал ситуацию. Думай – не думай, а видно придется жить в условиях новой реальности. А она такова, что меня закинуло в будущее на двадцать лет вперед, и многое изменилось. И я везу на пассажирском сиденье Ивана Грозного! Того самого из учебника по истории! С ума сойти!

Что и говорить, сотрудников в школе КГБ учили многому. Быть готовым к любой ситуации. Но не к такому же! Все изменилось одновременно. Генерала Кондратьева нет, Андропова тоже нет. «Генерал Козырев в курсе хода операции». Козырек – генерал? Начальник оперативного управления?! Его ж никто всерьез не принимал. Был, что говорится, на побегушках. Он же шмотьем, отобранном у фарцовщиков втихаря приторговывал. Были такие сигнальчики, были. Порну-

ху изъятую в сейфе хранил. И вот он – генерал, и он хотел отравить меня в спецдурдом.

Да черт с ним, с Козырьком! Я мотнул головой. Всегда так делал, когда чувствовал, что подхожу в размышлениях к реально важному, главному. Что сейчас найду ответ на очень важный вопрос. А вопрос сейчас понятен и прост: «Что мне делать?»

Достаточно вспомнить – кто я. Я – офицер, подполковник. Сотрудник комитета государственной безопасности. Мне поручили важное задание – вернуть из прошлого нашего сотрудника лейтенанта Райкина. Я задание выполнил – вернул его в 1970-й год. Но неожиданно попал в год 1991-й. Есть ли в этом моя вина?

Нет, не то... Не туда понесло. Чуть сдать назад, про то – кто я. Я офицер, я служу Родине – великому Советскому Союзу! Я защищаю государство. Его безопасность. Вот и буду защищать, как поклялся, когда принимал присягу.

Я посмотрел на пассажира, с любопытством глядевшего в окно. И еще я в ответе за гражданских, которые явно нуждаются в помощи.

А пока в свете всплывших событий мне нужно залечь на дно. И разобраться, что происходит. Хорошее «дно» у меня было под Коломной на Оке. Небольшой хутор с пасекой. С надежным человеком. Только жив ли дед Савелий. И как он отнесется к моему появлению через 20 лет? Ладно, на месте разберемся.

Вот черт! Опять она! «Жигули» цвета куриного желтка очень знакомой мне ноль первой модели. Тут их теперь называют «копейка». Уже в третий раз замечаю ее на хвосте. С самого рынка за мной висит. И со МКАДа тоже за мной съехала. Нет, вполне возможно, какой-то пенсионер затарился на базаре саженцами, семенами или чем там еще, и теперь пытается, минуя пробки, выбраться из города на дачу. Может быть, только чего это он ко мне прилип? Хотя держался осторожно, в двух-трех машинах сзади. Я бы сказал – профессионально. Или это у меня от нервов? А сейчас и проверим. Впереди как раз светофор с разворотом, перед ним знак на обочине со стрелочкой и названием населенного пункта. Намеренно не включая подворотника, я обошел длинную фуру и резко перестроился в левый ряд, шуганув пошарпанного «Москвичонка». Водитель обиженного автомобиля возмущенно библикнул, через закрытое стекло я его не услышал, но, судя по мимике, водила уверенно причислил меня к сексуальному меньшинству. Опа! Оранжевый «Жигуль» тоже совершил опасный маневр и встал в ту же полосу, едва не упершись в задний бампер «Москвича». Ага! Ладно. Я, включил подворотник, и когда засветилась стрелочка, повернул налево. Но на разворот по трассе, как остальные, не пошел. Рванул прямо по разбитой двухполоске. Притормозил, чтобы посмотреть назад. Подозрительный «Жигуль» развернулся и уехал с набором скорости в сторону поворота к подмосковным дачам. Значит, это не хвост, значит – пока-

залось. Ложная тревога.

И только тут я сообразил, куда свернул. На обочине стоял знак с названием населенного пункта. «Соколовка. 0.5». Не в смысле, что пол-литра, а что до нее полкилометра.

В Соколовке в частном доме проживал математик Березин с матушкой. Тот самый математик, что рассчитал возможность преодоления пространственно-временного континуума. По сути –изобретатель машины времени, будь она неладна. Почему я решил «проверить хвост» именно на этом светофоре? Это случайность? Или судьба?

Как бы там ни было, но в свете событий очень мне хотелось бы с Березиным встретиться. Ну и сказать ему пару ласковых... Так что, можно сказать – судьба. А может... У Березиных в Соколовке частный дом с летней дачкой в саду. Березин там вычислениями занимался и пил горькую, пока в дурдом не угодил. Матушка у него добрая, хоть и тоже выпивающая. Но в меру. А что, если попроситься к ним на постой? Там и разместить необычных пассажиров. Вот уж там меня точно искать не будут.

Что ж, адрес я помню. Улица Школьная -12. Это прямо и налево от центральной площади с автобусной остановкой.

Если бы не автобусная остановка, я бы, наверное, этой площади не узнал. Пожалуй, что только остановочный павильон напротив двухэтажного здания поселкового совета остался тот же, только еще больше заржавел, и был плот-

но залеплен цветными листками. Кажется, объявлениями. И еще телефонная будка осталась та же, и тоже вся оклеенная со всех сторон, что и стекло почти не было видно. Ларек «Союзпечать» на том же месте. А все остальное превратилось в базар. Какой-то дикий и бессистемный. Больше всего народа толпилось около грузовика с будкой, из которой продавалось бутылочное пиво. Покупали ящиками, в очереди спорили и даже дрались.

Но теперь упирался этот рынок... в церковную ограду. Нет, церковь была и раньше, то есть – было здание красного кирпича, правда, без куполов и всякого намека на колокольню. Кажется, тогда это был склад, на дверях висел здоровенный амбарный замок, а сквозь дырявую, ржавую крышу росли березки. Теперь все выглядело более или менее прилично, пять золоченых маковок с крестами над новой железной крышей, новые двери, обитые медью. Крылечко новое, на его ступенях, кстати, сидели какие-то люди. Сирые и убогие?

Колокольня при храме видно совсем недавно построена. Еще без колоколов, со следами строительства.

– Ну-ка останови там, – вдруг приказал Иван Васильевич и указал на церковь. – В храм пойду. Бесовского вокруг много. Помолиться хочу, исповедаться.

Я обернулся на Райкина. Тот вздохнул, мол, лучше остановить – не отвяжется.

И то верно. Я давно понял, что государь – человек сугубо религиозный. На все купола, что по дороге встречались,

крестился. Пусть сходит, помолится, я пока осмотрюсь.

Я подъехал к церковной ограде, Улюкаев уже довольно умело открыл свою дверь, метнулся и открыл дверь государя.

– А что, боярин, деньги есть у тебя? – спросил Иван Васильевич, перекрестившись на купола.

Я пожал плечами, достал бумажник, протянул трешку. Государь помял купюру в руках, поморщился, вернул:

– Что бумагу даешь. Серебро есть?

Я нашарил в кармане брюк два гривенника и железный рубль. Государь взял монеты, рассмотрел уже внимательнее. Прочитал вслух: «Один рубль». И на меня посмотрел вроде как уважительно. Кивнул и направился к крыльцу. Верный Улюкаев последовал за ним.

– Ладно. Улюкаева, будем считать, одели, – сказал я, снова заглядывая в бумажник. – Но и тебе лучше бы переодеться. Во что-то не такое броское. Зипуны здесь явно не в моде.

Райкин принял у меня двадцать рублей и двинулся в сторону вещевого ряда. Я же углядел ларек «Союзпечать» и чуть ли не бегом бросился к нему. Курить хотелось так, что уши пухли, а пустую пачку «Космоса» я выбросил еще на рынке.

– «Космос», – сунул я в окошко отвергнутую государем трешку.

– Нету давно, – раздалось из окошка.

– «Столичные» тогда.

– Может быть тебе еще «Яву» в мягкой пачке?

– А что, есть? – обрадовался я.

– Чем потреть. Издеваешься что ли?

Чего-то я продавщицу не понимал. Это, скорее, она надо мной издевалась.

– Ну а что есть-то?

– «Прима» есть моршанская.

– А с фильтром? Болгарские какие-нибудь.

– Болгарские ему... Не завозили давно.

– Ну, давайте пару «Примы».

– Талоны давай.

– Какие талоны?

Тетка выглянула на меня из окошка снизу-вверх. Видимо, хотела рассмотреть, кто такой непонятливый.

– Вы, гражданин военный, не хулиганьте. Табачные изделия только по талонам. Есть талоны, давайте, нет – до свидания.

Талоны? Про талоны было что-то в объявлении в магазине «Мясо-Рыба». Я уж хотел было отойти, когда увидел прилепленную к стеклу с той стороны красную пачку с буквами «Магна».

– Так вот же у вас с фильтром, – начал злиться я. – Или тоже по талонам?

– «Магна» – без талонов.

– Так давайте на все, – обрадовался я.

– Гражданин, перестаньте издеваться, – раздалось из окошка нервно. – Еще два рубля с вас. Есть еще «Бонд» за

семь. Брать будете?

Я молча поменял трешку на пятерку и получил пачку в мягкой упаковке. Вернулся к машине, осторожно вытащил сигарету, закурил. Приятно удивился. Да уж, не «Космос». Совсем другой вкус, непривычный. Какой-то резкий и сухой. Но вкусно. Но пять рублей!

С непривычки даже закашлялся.

– Дяденька, сигареткой не угостите? – раздалось у меня за спиной.

Я повернулся. Молодой парень, совсем пацан. Коротко стриженный, с оттопыренными красноватыми ушами, в кепке и спортивной куртке с белыми полосами на рукавах. На груди – маленький трилистник.

«Адидас»?! Да быть такого не может! У такого шкета? «Адидас» я видел только в гэдээровской программе: «„Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас!“ Там ведущий в таком щеголял. И еще когда фарцовщиков с Калининского привезли. Тоже фирмОй торговали. А, нет, вспомнил, еще у Козырева „Адидас“ был. Спортивный костюм и кроссовки. Как-то случайно встретились в Лужниках после футбола. Но бегал по утрам конспиратор в кедах и в трико от „Большевички“.

– Мне бы сигарет штукек пять-шесть, а лучше – десяток, – вдруг заявил недоросль и показал большим пальцем руки куда-то за спину. – На всю братву.

Я посмотрел в указанную сторону. Около церкви на ла-

вочке кучковалась стайка таких же пацанов в кепках. Я при-
смотрелся. Совсем на привычную мне молодежь не похожи.
Где гривы до плеч, где баки, где усы? Сплошь бритые затыл-
ки под кепками. И штаны – не клеши, а широкие такие. Или
спортивные с тремя полосками. Неужели тоже «Адидас»?
Ну да, вон и трилистники на куртках виднеются. Это что
за клуб подпольных миллионеров? Или это спортивная ко-
манда? Только, чего это они на корточках сидят? Но если
спортсмены, тогда тем более – курить не положено.

– А тебе мама не говорила, что курить вредно? – спросил
я, пряча пачку в карман.

– А ты мою маму не трожь! За маму и ответить можно! –
ответил недоросль дерзко. – Ты, дядя, машинку на нашей
территории поставил, за это платить положено, а мы всего-то
покурить просим.

От наглости такой я буквально дара речи лишился, а юнец
достал из кармана что-то блестящее, крутанул рукой, ррраз,
и в руке у него – нож с длинным тонким лезвием.

– Говорю, поцарапаться машинка может ненароком, – до-
бавил наглец.

Я чего-то никак догнать не мог. Он что, меня пугал?

А пацан вдруг выронил нож, ойкнул и тоненько заскулил.
Это Райкин вернулся с покупкой, вернее – в покупке. На нем
был темно-синий спортивный костюм с тремя полосками на
рукавах и заветным трилистником. На ногах – синие крос-
совки с тем же логотипом. Он, видимо, увидел, что кто-то

машет ножом у меня перед носом. Бросил коробку и большой сверток серой бумаги, перевязанной бечевкой, к дверям «Волги», сзади резким движением выбил нож из руки юнца, а самого схватил за и без того оттопыренное ухо.

Я заметил, что парни у лавки разом вскочили на ноги и двинулись в нашу сторону. И выражение их лиц мне совершенно не понравилось. Связываться с ними мне совершенно не хотелось. Вступать в прения – тоже. Я просто вытащил из кармана пистолет. Демонстративно передернул затвор.

Компашка остановилась, переглянулась, попятилась к лавке. А Райкин тем временем отвесил юнцу пендель и толкнул в сторону церковной ограды. Униженный вьюнош схватился за покрасневшее ухо, что-то буркнул – огрызнулся и поплелся к своим.

– Вот ни на минуту вас нельзя оставить, товарищ подполковник, – весело сказал Райкин, поднимая нож-бабочку с земли и пряча в карман. – Что за представитель аборигенов? Хотел взять вас в плен? Не перестаю удивляться – никакого уважения к погонам. Что случилось с этой страной?

К Райкину у меня вопросов накопилось ну очень много! Но поговорить наедине все не получалось. Вот и сейчас я спрятал пистолет в карман и залюбовался спортивной экипировкой Райкина.

– Слушай, я вижу, тут почти все в «Адидасе». Что, стало так доступно?

— Вон видите вывеска «Спорттовары»? Из товаров там

теперь шмотье да обувь. Там полмагазина – «Адидас». В основном фуфло, подделка. Они называют это «Абибас». Вон, как у тех, что у лавки. Но есть отдел с настоящими фирменными вещами. Вот, не удержался, прикупил костюмчик с обувкой. Вам тоже взял. Синий. И кроссовки тоже. У вас ведь сорок третий?

– Погоди, это что, ты на двадцать рублей так приоделся? – удивился я.

– Нет, конечно. Пришлось перстеньком пожертвовать.

Действительно, колечка желтого металла с ярким зеленым камушком на пальце Райкина не было.

– Заложил с правом выкупа. Там у них натуральный ломбард.

Райкин зачем-то огляделся по сторонам и сказал мне шепотом:

– Они там даже валюту меняют. Свободно, понимаете? Без паспорта.

Потом спохватился, взялся за свертки. В одном был пластиковый пакет с новым синим костюмом, в другом – и коробка с кроссовками. Это – для меня. В самом большом пакете – свернутый зипун, порты и сапоги.

– Порадую Улюкаева, – пообещал Райкин. – А то исстрадался весь.

– Вон, вон они, – раздался голос со стороны церковного двора.

– Все ясно. Пугавший вас ножом юноша оказался еще и

ябедой, – сказал Райкин, наблюдая за приближающейся к нам компанией. – Ведет больших пацанов.

Действительно, парень с распухшим красным ухом вел к нам двух крупных парней. И тоже в спортивных костюмах и кепках.

– Достану-ка я из машины сабельку, а? – предложил Райкин.

Глава 7. Поединщики

Саблю Райкин из машины доставать не стал, потому что я намекнул про пистолет. Но пакеты с вещами он бережно на заднее сиденье уложил. Я же сунул руку в карман, взялся за рукоятку ПСМа и постарался придать лицу беззаботное выражение.

Четкого плана действий у меня еще не было. В обойме ПСМа восемь патронов. Ну, допустим. А что, если вся эта кодла разом бросится на нас? После виденного за сегодня я уже ничему не удивлюсь. Что имеем? Двое здоровых парней лет двадцати пяти и семеро – пацанва лет по 14-15. Всего девять. И, кажется, без оружия. Лишь у одного из взрослых в руке что-то. Четки? Он верующий? И что делать мне в случае внезапного нападения?

Первый в воздух – это понятно. ПСМ хоть и поменьше макарова, но грохнет все равно прилично. Второй-третий? По нижним конечностям взрослых? Дальше? Мысли, что придется стрелять в детей, у меня даже не возникало. От детей, если накинется толпой, придется отбиваться вручную. Ничего, справимся, у Райкина разряд по самбо, бокс опять же. Я тоже кое-что умею.

Толпа подошла вплотную, окружила. Я сразу выделил главного. Нет, не тот, что повыше, с косым шрамом через щеку. Судя по широким плечам и бицепсам – физически

развит. Скорее всего – спортсмен. Но главный тот, что держится чуть сзади. И взгляд такой цепкий, недобрый. Но говорил тот, что со шрамом. Судя по взгляду – был удивлен, когда увидел, с кем придется иметь дело. Этот шкет что, не сказал, что ведет на разборку с офицером в серьезных погонах? Но «обиженный» шкет указал на Райкина.

– Вон, этот. Нерусский.

Внешний вид Райкина судя по всему, тут тоже должен был вызывать уважение. Настоящий новенький «адидасовский» костюм явно отличался от «Абибаса», в которую была наряжена пацанва. Да и на взрослых костюмы были может и фирменные, но явно попроще.

– Слушай, зема, – после некоторой паузы сказал обладатель шрама Райкину. – Тебе не в падлу ребенка было обижать?

Он указал пальцем на пострадавшего, ухо которого уже посинело.

Райкин спокойно вытащил из кармана бабочку, не складывая ее, показал, держа двумя пальцами:

– Ребенок с опасными игрушками игрался. Порезаться мог.

Шрамовладелец посмотрел на синеухого. Тот в свою очередь посмотрел на второго взрослого, еще молчавшего, и стал вроде как оправдываться:

– А че они... На нашей территории стали, за стоянку не платили, сигарет братве зажилили. Я ж не всю пачку просил,

половину только.

– Зажилили, – подтвердил Райкин, снова пряча нож. – Детям вредно курить. Детям спортом надо заниматься.

– А ты че такой дерзкий? – вдруг подал голос тот, что был с четками. Я разглядел на его пальцах синие буквы «КОЛЯ». Тезка, значит, и судя по татуировке на другой руке – плаха с топором, уже сидел.

– Учить нас взялся, что вредно, что полезно, – продолжил сиделый, приобняв синеухого за плечо. – Ты моего брата малого обидел, чурка нерусский. Я прикидываю, поучить тебя малеха придется. Ответку готов за обиду держать?

«Чурка нерусский»? Ну да, Райкин в своей нынешней ипостаси на русского явно не походил. Но «чурка» – это явное оскорбление, смыть которое можно только...

– Перед тобой ответку? – уточнил Райкин. – Или всей толпой поучить решили?

– Передо мной, – кивнул Коля. – Мы не беспредельщики. По всем понятиям брат за брата предъявить может.

Пацанва гулом сие одобрила.

– Изволь, – сказал Райкин. – Здесь будешь предъявлять, или отойдем куда?

– А чего далеко ходить? Вот тут за храмом полянка есть, – сказал Коля, разминая украшенные синевой запястья и повернулся ко мне. – Начальник не против? Наряд с мигалкой звать не будет? Тут все по закону и по согласию. Никакого насилия.

Предложение мне не понравилось. Тут все-таки площадь, люди. Хотя не уверен, что эти люди вмешались бы. Особого внимания на нас не обращали, лишь торгующие посматривали на этих двоих с интересом и... с боязнью что ли? Большею частью просто прятали глаза. Однако, кто знает, что там «на полянке»? Вдруг еще толпа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.